

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ФИЛОЛОГИИ

Памяти Л.А.Розановой

Сборник статей, материалов, эссе
Выпуск 3

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ФИЛОЛОГИИ
ПАМЯТИ Л. А. РОЗАНОВОЙ

Сборник статей, материалов, эссе

Выпуск 3

Иваново
Издательство «Ивановский государственный университет»
2025

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2)

Ж 714

Жизнь, отданная филологии: памяти Л. А. Розановой :
сб. статей, материалов, эссе. – Иваново : Иван. гос. ун-т, 2025. –
Вып. 3. – 94 с.

ISBN 978-5-7807-1512-2

Основу сборника составили материалы региональной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л. А. Розановой, ученого-филолога и выдающегося педагога. В первую часть книги включены воспоминания ее учеников и коллег, архивные документы. Второй раздел составляют републикации фрагментов работ Л. А. Розановой, а третий – содержит статьи, проблематика которых в значительной мере определена кругом научных интересов юбиляра.

Издание подготовлено кафедрой отечественной филологии Ивановского государственного университета.

*Выпускается по решению редакционно-издательского совета
Ивановского государственного университета*

Редакционная коллегия

доктор филологических наук **Н. В. Капустин** (ответственный редактор)
кандидат филологических наук **О. А. Павловская**
кандидат филологических наук **М. А. Миловзорова**

Рецензент

кафедра отечественной филологии
Костромского государственного университета
(зав. кафедрой кандидат филологических наук, доцент **А. К. Котлов**)

*Кафедра отечественной филологии благодарит работников
Государственного архива Ивановской области и И. Н. Садовского,
внука Л. А. Розановой, за предоставленные документы и фотографии,
вошедшие в этот сборник*

ISBN 978-5-7807-1512-2

© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

Л. А. РОЗАНОВА В ДОКУМЕНТАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ, ЭКСПРОМТАХ, ЗАРИСОВКАХ	4
Федотова Е. Е. К столетию со дня рождения Людмилы Ана- тольевны Розановой (по материалам Государственного архива Ивановской области)	5
В военные годы (Н. В. Капустин)	11
Голубев Н. А. Профессор русской литературы (<i>Рабочий край</i> <i>от 16 марта 2025 г.</i>)	17
Гладунюк А. Ю. Неувядаемая РОЗА (<i>Ивановская газета</i> <i>от 11 марта 2025 г.</i>)	21
Филипповский Г. Ю. Л. А. Розанова – «ЛЕДИ НЕ»	26
Кузьмичев А. Е. «Форма и содержание». Влияние Л. А. Роза- новой на духовное и творческое становление плеяды жур- налистов Ивановской области	30
Тамаев П. М. Свое мы дело совершили – мы не напрасно в мире жили. Слово об учителях наших	33

Раздел II

ИЗ РАБОТ Л. А. РОЗАНОВОЙ	38
Розанова Л. А. Шуйские родники (Шуя: «Весть». ШПГУ. 2007. С. 34–43)	39
Розанова Л. А. О творчестве Н. А. Некрасова: Книга для учи- теля. (М.: Просвещение, 1988. С. 212–219)	51

Раздел III

НАУЧНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЛЕДИЯ Л. А. РОЗАНОВОЙ	61
Миловзорова М. А. Л. А. Розанова – ученый и учитель: про- странство метода	62
Павловская О. А. Книга для учителя в научно-педагогиче- ском наследии Л. А. Розановой	67
Тамаев П. М. О «русском взорении» в отечественной словес- ности середины XIX века	70
Капустин Н. В. «...ни город, ни село»: об одной особенности ивановского пространства	84

Раздел I

**Л. А. РОЗАНОВА В ДОКУМЕНТАХ,
ВОСПОМИНАНИЯХ,
ЭКСПРОМТАХ, ЗАРИСОВКАХ**

Е. Е. Федотова

**К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ЛЮДМИЛЫ АНАТОЛЬЕВНЫ РОЗАНОВОЙ
(по материалам Государственного архива
Ивановской области)**

12 марта отмечалось столетие со дня рождения выдающегося филолога, профессора Людмилы Анатольевны Розановой. Будучи специалистом по творчеству Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. Н. Островского, поэтов Серебряного века, Людмила Анатольевна получила научное признание в России и за рубежом, подготовила не одно поколение учителей-филологов, кандидатов и докторов наук.

В Государственном архиве Ивановской области хранится личный фонд Ф.Р-2325 Людмилы Анатольевны, в котором собраны бесценные документы научного и творческого наследия профессора, биографические сведения.

Людмила Анатольевна родилась 12 марта 1925 года в Костроме. В 1937 году семья переехала в Иваново. Людмила Анатольевна училась в средней школе № 36, в 1942 году поступила на филологический факультет Ивановского государственного педагогического института (ИГПИ). С 1947 по 1950 год обучалась в аспирантуре Ленинградского педагогического института им. Герцена. С сентября 1950 года работала старшим преподавателем ИГПИ, в 1952 году получила ученую степень кандидата филологических наук. В 1955 году была утверждена в ученом звании доцента кафедры русской литературы Ивановского государственного педагогического института. С 1976 года Л. А. Розанова занимала должность заведующего кафедрой русской литературы ИвГУ. В 1979 году ей была присуждена ученая степень доктора филологических наук. Указом Президента Российской Федерации от 7 ноября 1997 года присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации».

Большинство научных трудов Людмилы Анатольевны посвящено творчеству великого русского поэта Н. А. Некрасова и

демократической поэзии последней трети XIX – начала XX века, также она занималась литературным краеведением. Ею опубликованы шесть книг, более 250 научных работ, статьи в журналах и газетах. Она подготовила и прочитала многочисленные лекции для учителей, школьников и населения г. Иванова и области. На филологическом факультете Людмила Анатольевна читала профилирующий курс русской литературы XIX века, вела спецкурс, спецсеминары и практические занятия.

Л. А. Розанова большое внимание уделяла общественной работе: была членом месткома, партбюро факультета, куратором студенческой группы, руководителем литературно-творческого и литературоведческого кружков. С 2002 года Людмила Анатольевна преподавала в Шуйском государственном педагогическом университете, занимая должность профессора кафедры философии и религиоведения. Она читала лекции по курсу «Духовно-нравственные проблемы в русской культуре». Скончалась 8 ноября 2009 года.

Впервые документы Л. А. Розановой поступили в Государственный архив Ивановской области в 2004 г., от нее самой, а в 2010 г. – от ее родственников. Всего было сформировано 160 дел за 1960–2009 гг. Это книги, статьи и доклады о писателях С. Т. Аксакове, Д. А. Фурманове, поэтах Н. А. Некрасове, Я. П. Полонском, С. Ф. Рыскине, Д. Н. Семеновском, Ф. И. Тютчеве, А. А. Фете, драматурге А. Н. Островском, тексты лекций для института усовершенствования учителей и совпартшколы по русской и советской литературе, отзывы и рецензии на книги, статьи, диссертации, оппонентские отзывы, переписка Л. А. Розановой с коллегами-литературоведами, в т. ч. академиком Н.Ф. Бельчиковым, поэтами В. С. Жуковым и Н. А. Орловым. Большой интерес представляют материалы, собранные Людмилой Анатольевной: рукопись 1860-х годов поэмы И. Н. Фредерикса «Русская история в стихах», сборник стихотворений Л. Зефирова «Селена» 1911 года, сборник 1920 года издания «Красная улица. Стихи и песни», стихотворения студентов ИГПИ военных лет (автографы), воспоминания профессора ЛГУ Д. Е. Максимова. Есть в личном фонде и документы, связанные с академиком Н. Ф. Бельчиковым, стоявшим у истоков архивной службы Ивановской области.

Накануне, в день столетия Людмилы Анатольевны, в Ивановском государственном университете состоялись «Розановские

чтения», организованные ее учениками, которые выступили с докладами и воспоминаниями.

Государственный архив Ивановской области также хранит документальную память о Людмиле Анатольевне Розановой. Познакомиться с документами ее личного фонда можно в читальном зале ГАИО (ул. Куконковых, д. 1), описание доступна в электронном читальном зале.

Л. А. Розанова на конференции к 100-летию литературоведа, члена-корреспондента АН СССР Н. Ф. Бельчикова, ИвГУ, 1990 г.

Автобиография.

Л. Розанова Марине Андриановна родилась 12 марта 1925 года в городе Кострома. Отец был инженером в шерстяном отделении государственного завода, мать работала в текстильном заводе. В 1930 или 1931 году она была переведена в шерстяную свергусовскую фабрику и переведена в город Киржач, тоже Ивановской промышленной области. В связи с этим пурпур она переехала в Киржач. В 1937 году отца перевели на работу в Иваново, в областное управление свергусовых хлопков. Город Иваново сразу же стал для меня отличным местом жизни.

В начале Великой Отечественной войны отец находился в армии. Она демобилизована по состоянию здоровья до времени войны, погибла в мае 1948 г. умер отец.

Мать также работала в сапожерской, мукерской (то есть пекарской) на пекарских фабриках города (им. Зоринского, им. Крученой, им. Малофеев). В 1957 году она умерла.

В 1942 году я окончила ивановскую среднюю школу № 36. В 1942 году поступила в 1946 году окончила киржачскую среднюю школу ИГПИ. По окончании его я была направлена ассистентом на кафедру русской литературы. В 1947 году поступила и в 1950 году окончила аспирантуру в Ленинградском университете.

Автобиография Л. А. Розановой

Л.А.Розанова.

2

Александр Николаевич Остроухий

Биография.

Послание для ученых.

1964.

ГАИО

Напечатано в
середине 1950-х

Посвящается Свят. мчт! 5

Дни твои наступили пора осуждения и разрушения
моих надежд: что некогда засланные мною изгнанием и рехти-
ком. Но теперь, когда ты с гимном с шею не сня, когда ты
уехал из дома, от моих "чумачищерий" пошел в среду ре-
жима эти содержания, "Учреждений науки", тем самым, перед гр-
вой времена множество сочленившихся огней склони-
мые вонючков.

Огни склонных парижу, что огорчил твои сущи-
тельные с "Миссиями Франции", всеми величиями и торжествами,
вновь начавшим краупорядковое гашение на всех
космических проблемах. Современное наше горище
смесиочных вершин. Твои спорыши современнические
принесли и новые, еще неизученные миры. И не
это — любезны, наезды, свидания — соотносится с твоими
вершинами, в нашей стране бесстыдными, устрашающими
своими трудами землю, а всего пакиши твои согнувшись
силы писцереверстного торга огнестоенного дурнокса.

Сейчас тебе очень важно понять, что не он-гений — те-
же, Загадки и все эти энгели, склоня его всемирные
мысли соприкосновению, склоняют его перед судом судии.
От того, как поймешь, как решишь эти вопросы,
зависят твои и мои, Маркизские, будьре, а, навечно
репрещены твои энгели.

Быть вечно, что то смириши не герой, оливущих редом,
ты восхищалася их подвигами, совершившими на твои
шахи. И то знание подруга о них, тут враждебнейшие
мысли, но не хождь их повторять — тут напечатаны свое,
никогда еще не сорванные.

ГАИО

Титульный лист и страница книги «Александр Николаевич Островский.
Биография». Пособие для учащихся. Автограф с правкой

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

К опубликованным Государственным архивом Ивановской области автографам Л. А. Розановой примыкают сделанные ею записи, составляющие часть выставки, подготовленной в Ивановском университете к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Размещены они рядом с кафедрой отечественной филологии.

Редколлегия сборника считает необходимым опубликовать эти материалы Людмилы Анатольевны, в 1942 году ставшей студенткой Ивановского пединститута. Боль, трудности военного времени соединяются в сделанных записях с чувством свойственного Розановой глубокого, выношенного оптимизма, проявлявшегося в разных жизненных обстоятельствах. К записям примыкает ряд стихотворений той поры или более поздних, но также обращенных к этому времени.

I

КАЖДЫЙ ИЗ СТУДЕНТОВ ТОГО ВРЕМЕНИ МОЖЕТ СЧИТАТЬСЯ ТРУЖЕНИКОМ ТЫЛА

В круг наших непременных обязанностей входили не только занятия и подготовка к ним, но и рытье траншей, расчистка снега на аэродроме, уборка в бомбоубежищах, погрузка топлива на платформы и разгрузка их, работа на полях, на «Торфу» и в подсобном хозяйстве института в середском районе.

В редкие выходные мы бежали если не в «научку», то на фабрику БИМ (Большая ивановская мануфактура) – на заработок «для себя». Там с «разовыми» подсобниками расплачивались за 12 часов труда узелком лоскута, казавшегося сокровищем, из нескольких таких узелков можно было, кроме мелочи, на носовые платки, заплатки, подшивку, набрать ткани на блузку, даже на летнее платье. Размеры лоскутов заставляли изобретать оригинальные фасоны.

И ВСЕ-ТАКИ ЖИЛИ НЕ ТОЛЬКО БЕДОЙ И ОТЧАЯНИЕМ.
В СЕРДЦЕ НОСИЛИ ОЖИДАНИЕ МИРА, ВОЗМОЖНОЙ
РАДОСТИ, КОТОРАЯ ВОТ-ВОТ НАСТУПИТ, ПРИНЕСЕТ СВЕТ

Студенты любили общаться, много спорили, пели, писали стихи. Уже в первую студенческую зиму (1942/1943) в институт вернулись несколько тяжело раненных парней. По сей день помнятся их серые шинели, запавшие глаза, худые щеки и въедливый интерес к нашим тыловым мелочам. Нам казалось, что от шинели пахнет дымом и порохом. Пример недавних солдат, их отличный от нашего опыт жизни во взаимодействии с происходящим заставляли думать, ко всему относиться искренне. Приходили ребята на студенческую скамью и в следующие военные годы, невольно раздвигая наш кругозор, обостряя наши чувства.

II

....Мои студенческие годы (1942–1946) в основном совпали с этой тяжелой, горчайшей и славной порой.

Все факультеты жили дружно, встречались на общих лекциях, собраниях, диспутах, в столовой (или на Барашке, или в огромном обеденном зале фабрики-кухни), на разных участках, как тогда говорили, трудового фронта. Вместе читали чужие и свои стихи. Свои писали везде и обо всем. Предлагая подборку из части сохранившихся у меня, отмечу, что записаны они самими авторами-студентами на тех случайных листках, которые оказались доступны. О настоящей писчей бумаге никто и не мечтал. Некоторые литературные опусы зафиксированы на оборотах откуда-то взявшихся накладных. Кто-то писал на чистых листах оказавшихся ненужными <нрзб> (историй болезни): очевидно они попадали к нам во время госпитальной практики. Что-то сохранилось на бланках приходно-расходных ордеров (тогда они были больше нынешних) сберегательных касс. Несколько записей сделаны на чудом уцелевших листах из школьной тетради. Отвоевавший свое А. В. Исаев однажды принес стихи на чуть розоватом тонком листе из какой-то канцелярской немецкой книги (на лицевой стороне – схема заполнения на немецком языке, на другой – стихи). Удивление вызвали несколько двойных нелинованных листов

В. С. Жукова: вскоре после возвращения в институт он составлял свой первый сборник – солдатская слава и, видимо, где-то разжился бумагой.

У меня рукописи сохранилась потому, что авторы отдавали их в редактировавшуюся мною нашу стенгазету «Во весь голос» (некоторые ее номера были целиком поэтическими). И немало автографов появилось в качестве подарков.

В стихах столько непосредственного чувства, столько «документальных» знаков, начиная с имен, отношений, событий тех лет, что и сейчас они, несмотря на, несомненно, разную эстетическую ценность интересны, я бы даже сказала, берут за душу...

Скрипка издергалась, упрашивая
и вдруг разревелась
так по-детски...

В<ладимир> В<ладимирович> М<аяковский>

Рыдай, баян; аккордом плачь, рояль!
Излейте в звуках все страданье,
Как горькое вино я пью печаль,
Вином – глушу воспоминанье.

Стоните звуки, скорбью заглушая
Моей души немую соль.
Звените слезы. Нарастая,
Шумите как морской прибой.

Всю боль и слезы, скрытые душой,
Без слов бессильных передайте,
Нет слез для горечи до ужаса большой –
– Не плачу я... Так вы рыдайте!

Баян тоскует, звуки льет рояль.
В их песне – горе и страданье,
Как горькое вино, я пью печаль,
Вином глушу воспоминанья.

Стихи сопровождает письмо:

Здравствуй, Люся. Извини за это лирическое и упадническое вступление. Но, собственно говоря, ничего нового в моей санаторийной жизни.

Ем, пишу, от жары – балда (В^{<ладимир>} М^{<аяковский>})

Кто в деревне не философствовал? – Ну да (В. С.)

Недавно у нас была небольшая попойка. Читаю, пишу. Жду твоего письма. Желаю всего в жизни хорошего. В^{<ладимир>} М^{<ихайлович>}

Из комментариев Л. А. Розановой:

Владимир Михайлович Скворцов («Немая боль»), сражавшийся в партизанском отряде В. Медведева и вернувшийся домой без ноги, на факультете русского языка и литературы ИГПИ обучался в 1944–1948 гг. По окончании некоторое время трудился лаборантом, вёл почасовую нагрузку по кафедре русской литературы. Однако значительную часть жизни посвятил журналистике. Был литературным сотрудником и – последовательно – ответственным секретарём, заместителем редактора областных газет «Ленинец», «Рабочий край». Сам выступал как критик (статьи о литературе Ивановского края, о стихах Д. Н. Семёновского).

Студентке

Ты идёшь по улице на зов
Молодой весны... Играют дети.
День от солнца и улыбок светел,
От веселых, звонких голосов.
День весны... А вспомни, как бывало
В дни военных отремевших лет,
Здесь ты шла походкою усталой,
Скупо улыбаясь мне в ответ.
И в аудиториях холодных
Лекции ты слушала в пальто.
<Вспомни, как жила полуголодной
Говоря, как все: Даем потом>

Как у репродуктора с волненьем –
Целый мир входил ведь в твой мирок! –
Слушала ты жадно сообщенья
От Советского информбюро;
И с бойцами вместе пережила
Горечь оставления городов,
Но всегда хранила бережливо
Смысл большой простых народных слов.
С Волги ты иль с Дона, или с Клязьмы,
С Уводи, с Уфы иль с Иртыша,
Знала ты, что будет, будет праздник
День Победы. Верою дыша.
В тяжкую годину, не робея,
Жизни предъявила ты права.
Девушка-студентка, о тебе я
Складываю гордые слова.
Ты идешь толстушкой или стройной,
Видеть я хочу тебя одной:
Чтоб была ты дочерью, достойной
Матери-страны своей родной!

Из комментариев Л. А. Розановой:

Борис Иванович Иовлев – выпускник факультета русского языка и литературы ИГПИ. Еще до начала войны в ИГПИ начал функционировать учительский институт. Борис Иванович Иовлев обучался именно в нем. Активно участвовал в общих мероприятиях.

Публикуемые стихи адресовались студентке исторического факультета Маре (Маргарите) Чижовой. С нею Б. Иовлев выступал дуэтом на всех наших литературных вечерах. Впоследствии он учительствовал, был литературным сотрудником в областных газетах, выпустил несколько книг стихотворений и прозы для детей.

23 февраля

Незабываемая дата!
Одна из величайших дат!
Она ярка, как луч заката:
На ней святая кровь солдат!
День Красной Армии! Великой
Народной Армии! Она
Была в разгаре схватки дикой
Самим народом создана,
Закалена в огне и дыме
Ужасной бойни мировой
Она одна непобедима:
В ней каждый воин есть герой!
Она избавила Европу
От страшной Гитлера чумы
Она столкнула гидру в пропасть
И уничтожила власть тьмы!
Через поток огня и стали,
Через сплошной свинцовый дождь
Ее вел в бой товарищ Сталин –
Генералиссимус и вождь!
Свершилось! Силой Исполина
К ногам Суда был брошен враг,
И над поверженным Берлином
Взвился победный русский флаг!..
Незабываемая дата!
Одна из величайших дат!
Она ярка, как луч заката:
На ней святая кровь солдат!

А<лексей> И <саев>

Из комментариев Л. А. Розановой:

Алексей Владимирович Исаев, вернувшись с фронта без обеих ног, в 1944–1948 гг. был студентом филологического факультета ИГПИ, по окончании которого поступил в очную аспирантуру при кафедре русского языка в Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена. Затем около тридцати пяти лет преподавал историю русского языка в Ивановском педагогическом институте и университете.

Н. А. Голубев

ПРОФЕССОР РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(Рабочий край от 16 марта 2025 года)

12 марта исполнилось 100 лет со дня рождения Людмилы Анатольевны Розановой (1925–2009) – литературоведа, профессора. Она была одним из первых докторов наук Ивановского университета. Но главное – она была незаурядной личностью. Уже сам ее образ, отношение к делу многому учили студентов.

Рассказывают, когда к Розановой на улице кто-то легкомысленно обратился «женщина», она обернулась и строго ответила: «Я не женщина, а профессор русской литературы».

Людмила Розанова заслужила научное признание как исследователь творчества Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, ивановского поэта Д. Н. Семёновского. В ИвГУ она была основателем и первым заведующим кафедрой русской литературы XIX века.

Профессор Розанова воспитала несколько поколений филологов. Одни стали школьными учителями, другие остались в науке, кто-то ушел в смежные сферы... Приведем несколько реплик учеников.

Решающая двойка от Розановой

Владимир Мартынов, радиожурналист, почетный радиост РОССИИ

– Из-за двойки, поставленной Розановой в конце 2-го курса, я остался на второй год. Тогда я увлекся деятельностью в кино-клубе, сценой, стал относиться к учебе неадекватно. «Неуд» Людмилы Анатольевны оказался третьим, решающим. Я понимал, что преподаватель совершенно права. Помню, она выносила мне приговор – с сожалением и надеждой, что во время академического отпуска я наведу в голове порядок. Очень строгий педагог нашла такие слова, что уважение к Розановой осталось навсегда.

Ее лекции мы любили. Не только за то, что она глубоко знала свой предмет и умела вложить в нас то, что надо знать

преподавателю литературы (это – главное). Атмосфера на лекциях была семейной. Розанова часто начинала с бытовых советов или рассуждений. На улице холодно – говорила, что делать, чтобы избежать заболеваний или как вылечиться в короткий срок. И как девушкам сохранить материнское здоровье, тоже советовала.

Конечно, мы знали, что наш педагог работает над комментариями к поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» для издательства «Просвещение». Многое из этой книги (она вышла в год, когда наш курс получал дипломы) мы услышали на лекциях и семинарах. Это еще больше подняло в наших глазах авторитет Розановой-ученого. Именно Людмила Анатольевна научила студентов нашего курса основам методики научной работы – правилам цитирования, составления картотеки и прочим обязательным вещам. Ученым я не стал, но полученные знания оказались необходимы в работе журналиста.

Пятерка на госэкзамене по литературе в моем дипломе – это и благодаря Людмиле Анатольевне. Мне рассказали, как шло обсуждение оценки. Кто-то настаивал на четверке, мол, Мартынов – не самый старательный студент. Но Розанова нашла, что сказать, с чем согласились остальные члены комиссии.

«Кто любит литературу больше жизни»

Надежда Жукова, учитель ивановской средней школы № 4

– Помню, как в аудиторию 403 первого корпуса ИвГУ вошла невысокая женщина и, оглядев притихших первокурсников, представилась и пригласила на свой курс «Введение в специализацию» тех, кто «любит литературу больше жизни». Да, так и сказала. Я подумала и решила, что жизнь люблю больше – и стала лингвистом. Но сколько моих отважных подруг выбрали стезю литературоведения! Сама же профессор Розанова литературу любила самой сильной духовной любовью. «Что вы на меня смотрите? – обращалась она к застывшим то ли от внимания, то ли от рассеянности студенткам. – Вот если бы я пришла в боксерском костюме, на меня был бы смысл смотреть. А пока – смотрим в тетрадь и записываем лекцию!» Иногда эту фразу произношу и я – конечно, в классе, где мы понимаем друг друга. Почти через 50 лет иронично-назидательная интонация моего учителя жива... Наверное, это и есть бессмертие духа.

Благодаря Людмиле Анатольевне Розановой мы поняли, кто такой филолог, и до сих пор ее имя озаряет лучшие годы – годы получения настоящего классического гуманитарного образования. Конечно, это был только «ствол», веточки пробивались, превращаясь в крону (разной степени густоты) постепенно. Кстати, этот образ тоже придуман Людмилой Анатольевной. Можно вспоминать ее фразы, словечки, шутки – бесконечная филологическая дорога...

Знающая толк

Николай Капустин, доктор филологических наук, профессор ИвГУ

– В советское время в актовом зале университета беспрерывно устраивались разного рода собрания. И далеко не все произносимые ораторами речи, прямо скажем, отличались свежестью и глубиной. Уважаемое собрание в таком случае с серьезной и скучной ораторской магистрали легкомысленно сворачивало в сторону. В связи с этим один эпизод. Сижу на ряд выше. И вдруг вижу вздрагивающие от смеха плечи Людмилы Анатольевны. В руках – книга. Не вытерпел, взглянул. «Железная воля» Лескова. Смеяться любила. И шутила часто. Нередко с серьезным лицом, как многие знающие толк в смехе. Наверное, у Гоголя научилась. А может быть, свое, органическое...

Вспоминается еще одно. Пикантное. Персональное дело одного женатого коллеги. Влюбился в студентку (будущую жену). Конечно, партком в роли регулятора нравственности. Выступление одного из тогдашних лидеров, платонической безупречностью в отношениях с дамами не отличавшегося. Однако по долгу службы обличавшего. И довольно рьяно. И вдруг голос Людмилы Анатольевны: «А судьи кто?» Не помогло это, правда, коллеге. Пришлось уволиться.

«Л. А. считает...»

Людмила Павловская, корреспондент ГТРК «Ивтеле радио»

– Первый год обучения. Введение в специальность. Сидим с подружкой на первой парте и ждем преподавателя – ни живы ни мертвые. И все потому, что нас «настроили» старшекурсники: мол, будет вам несладко, ибо вести предмет у вас поставили Розанову.

Людмилу Анатольевну. А знаете ли вы, кто такая Розанова? Людмила Анатольевна? – Ну откуда же нам знать? – Ну, узнаете. Держитесь, ребята...

И вот дверь открывается, и входит она. Людмила Анатольевна. Мы с подругой переглянулись: да что ж нас пугали? Такая маленькая, приятная, седые волосы прибранны на затылке, как обычно делает моя бабушка. В руках – портфель, прямо-таки огромный, надо сказать...

Я любила слушать ее лекции, потому что в них все было четко и понятно. Частенько она диктовала материал, что-то объясняла и дальше: «А теперь пишем: Л.А. считает, что...» Тут следовал какой-нибудь вывод. Кроме этой традиционной фразы, был в лекциях и еще один классный нюанс – истории. Мы их называли лирическими отступлениями, сама Людмила Анатольевна – байками. До сих пор жалею, что не записывала эти «коротульки» из жизни. Сейчас уже и не вспомнишь, что это были за рассказы, но всегда интересно и в тему.

После окончания курса мы с тремя студентками рванули к Розановой на специализацию. «Барышни» (так она нас называла) успешно написали курсовые, а потом и дипломы. Мне же пришлось на третьем курсе уйти в декрет, но училась до последнего – с огромным животом ходила на занятия. Людмила Анатольевна на переменах постоянно заставляла меня двигаться: «А что это мы сидим, барышня Павловская? Встали, походили...»

Через год я снова вернулась писать диплом на тему «Судьба и воля в раздумьях и изображении А. П. Чехова и В. Г. Короленко». К слову, темы всех наших работ Розанова выбирало хитро – так, чтобы подумать, поразмышлять, покопаться, по крупицам собрать материал из разных изданий и публикаций, сложить все в стройный и грамотный текст. Сейчас понимаю, насколько это помогло мне, когда я начала заниматься журналистикой: складывать детали в большое – стройное и понятное.

Есть люди, знакомством с которыми я горжусь и считаю подарком судьбы. Людмила Анатольевна Розанова – из их числа...

А. Ю. Гладунюк

НЕУВЯДАЕМАЯ РОЗА

(Ивановская газета от 11 марта 2025 г.)

Ничто человеческое профессору Розановой было не чуждо:
могла и собачку на лодке покатать
(из семейного архива Ильи Садовского)

Сейчас трудно найти сферу деятельности, которую не затронули бы ИТ-технологии. Пресловутый искусственный интеллект внедряется всюду. Но есть профессии, в которых работы никогда не заменят живых людей. Одна из них – педагогика. Ее ярким представителем была профессор ИвГУ Людмила Розанова.

Настоящий Педагог – это прежде всего живой человек. Который не механически передает аудитории набор знаний и навыков, а воздействует на учеников своей неповторимой Личностью. С такими Личностями, такими Педагогами мне повезло общаться

в Ивановском государственном университете. Наш выпуск 1982 года с благодарностью вспоминает Павла Куприяновского, Леонида Таганова, Владимира Мусатова...

СПРАВКА. Людмила Розанова (1925–2009) – литературовед, историк литературы, доктор филологических наук, автор шести книг по русской литературе и нескольких сотен научных статей и публикаций, значительная часть которых посвящена исследованию творчества Николая Некрасова. Родилась в Костроме. Более 50 лет проработала в Ивановском государственном университете, создав на филологическом факультете кафедру русской литературы XIX века, которой руководила 12 лет. Удостоена знаков «Заслуженный работник высшей школы» и «За заслуги перед городом Иваново».

Профессора Розанову к ее юбилею коллеги и ученики вспоминают через полтора с лишним десятка лет после ухода из жизни. Такое дано не каждому. И дело не только в профессиональных достижениях, которые выразились в научных званиях и знаках отличия, но и в «качестве Личности». Абсолютно убежден: за такую формулировку мне, будь я студентом, от профессора Розановой досталось бы на орехи. И поделом. Но Людмила Анатольевна наверняка отчитала бы меня не казенными фразами с цитированием учебников, а «включив» свой неповторимый юмор.

Здесь некоторые из знавших ее, быть может, пожмут плечами: «Розанова – и юмор?!» Среди студентов, особенно тех, которые, говоря ее же словами, «не хватали звезд с неба», бытовало мнение, что основательница кафедры русской литературы – женщина суховатая, склонная к дидактике и педантизму. Мол, кроме Некрасова, ее ничто не интересует.

Конечно, это совсем не так! Просто надо было понять, что юмор у Розановой – с особинкой, и расходовать этот неповторимый дар по пустякам, на кого ни попадя она не желала.

Штрих

Этот дружеский шарж блистательная Нина Бахтигиряева поместила в своей книжке-альбоме под названием, которое как нельзя лучше подходит к теме материала: «Культ Личности». К рисунку я написал очень короткую эпиграмму с элементом каламбура:

*О, эта царственная поза,
о, глаз мудрейших синева!
Неувядаемая Роза
нова.*

Особинка юмора профессора состояла в том числе в его по-дache. Порой Людмила Анатольевна в нарочито монотонный монолог о творчестве кого-либо из великих умов девятнадцатого века незаметно вкрапливалась иронию, относящуюся к представителям века двадцатого. В том числе – к сидящим перед нею в студенческой аудитории. Это делалось для того, чтобы не обидно, но действительно поставить на место юношей, отвлекшихся на

неискоренимую студенческую «балду», или девушку, любящуюся на свою красоту в зеркальце.

В пример приведу... себя. Монолог профессора Розановой был такой: *«...писатель в качестве гонорара за свой многолетний труд получил крупную сумму денег, которые направил на благотворительность и приобретение бумаги для нового произведения, а если бы эти деньги получил Андрей Гладунюк, всю сумму он истратил бы на леденцы»*.

Конечно, с неба я сразу слетел на землю, вернувшись к творчеству изучаемого писателя. Обидеться на такой поворот событий мог только человек недалекий.

По сути, это можно назвать педагогическим приемом, и чего здесь больше – юмора или преподавательского мастерства, вряд ли можно определить.

Но была тема, вольностей с которой Розанова не допускала и на которую с ней лучше было не шутить. Это Некрасов. Его жизненный и творческий путь Людмила Анатольевна изучила так глубоко, с таким трепетом, что без всякого преувеличения ее можно причислить к числу самых авторитетных исследователей творчества автора «Кому на Руси жить хорошо» – и в стране, и за рубежом.

Есть что вспомнить

Евгения БАГРИНЦЕВА, начальник отдела по связям с общественностью «Россети Центр и Приволжье» – «Ивэнерго», выпускница филфака ИвГУ:

– Людмила Анатольевна запомнилась мне как серьезный, строгий преподаватель, очень любящий свой предмет. Несмотря на свой высокий статус, она была открытой и простой в общении со студентами, любила пошутить. Не было ей чуждо и ничто дамское. Запомнилось, как она сделала замечание моей подруге за резкий аромат духов. Когда та возразила, что, мол, духи у нее дорогие, преподаватель улыбнулась и посоветовала использовать бренды, которые она считала достойными. В следующий раз, когда подруга сменила парфюм, Розанова обратила на это внимание и похвалила ее.

Татьяна САДОВСКАЯ, дочь Людмилы Розановой, учитель русского языка и литературы:

– Когда я была ребенком, наша семья жила в «преподавательском» доме на улице Пушкина, 17 (сейчас на этом месте стоит «банка» ИГХТУ. – А. Г.). Двери нашего дома всегда были открыты – студенты и преподаватели приходили к Людмиле Анатольевне почитать стихи, обсудить новости времен хрущевской оттепели и непременно выпить чаю... Одни из самых сильных впечатлений остались у меня от той поры, пожалуй, когда студентки приходили к маме «на исповедь»... Людмила Анатольевна находила слова поддержки, вселяла уверенность, утешала... При этом все, кто ее знал, помнят, что моя мама была человеком строгим. Но строже всех она спрашивала с себя самой!

Г. Ю. Филипповский

Ярославский государственный педагогический университет

Л. А. РОЗАНОВА – «ЛЕДИ НЕ»

Чтобы ни одного члена нашей кафедры
не было на моих похоронах

(устное завещание Л. А. Розановой)

Непредсказуемая	Невиданная
Неравнодушная	Неумолимая
Недоверчивая	Неласковая
Невозмутимая	Недоверчивая
Несгибаемая	Неудобоваримая
Невероятная	Несуетливая
Неразгаданная	Неотразимая
Нетривиальная	Неправдоподобная
Непростодушная	Непрогнозируемая
Недоступная	Непреоборимая
Неуловимая	Необъяснимая
Неспокойная	Неутолимая
Непрятязательная	Непримитивная
Неоднозначная	Неприкасаемая
Неприворная	Несчётливая
Нескаредная	
Неболтливая	Независимая
Некляузная	Непрограммируемая
Неподкупная	Непроницаемая
Незабываемая	Негрубая
Неэтикетная	Негромкая
Неукротимая	Неанархическая
Нелюбопытная	Неисповедимая
Несентиментальная	
Неустрашимая	Неангажированная
Несравненная	

Несовершенная	Непостижимая
Недоверчивая	Неожиданная
Незаурядная	Небездушная
Неторопливая	Неординарная
Неравнодушная	Нечёрствая
Непрятязательная	Неисправимая
Несамовлюблённая	Невозмутимая
Несравнимая	
Неугомонная	Нездешняя
Непрозрачная	Неказённая
Нелёгкая	Немыслимая
Нерелигиозная	Неэкспансивная
Неправдоподобная	
Невульгарная	Неслабая
Необычная	Непринуждённая
Небогатая	Нежадная
Нетипичная	Неимпульсивная
Неудобоваримая	Нериторичная
Небыстрая	Нецеремонная
Несуесловная	
Непредубеждённая	Несклонная
Неоткрытая	Нефикативная
Непоказная	Несдающаяся
Нетихая	Неимпульсивная
Несспешная	
Нечрезмерная	Небеспристрastная
Небесчувственная	
Неопределённая	Немалословная
Невооружённая	
Неописуемая	Неофициальная
Необманная	Неоценимая
Непосредственная	Небеспамятная
Неортодоксальная	
Неразбросанная	Необразцовая
Неотталкивающая	
Небессердечная	
Неожесточённая	
Непарадная	

Неотчуждённая	
Непристрastная	
Неотразимая	Незабываемая
Несравненная	Необщая
Неспекулятивная	
Некающаяся	Неуёмная
Небестрепетная	Небеспринципная
Немолитвенная	Ненаивная
Небескомпромиссная	Непокаянная
Неуклонная	Нечрезмерная
Небессердечная	Небестрепетная
Неиссякаемая	Невообразимая
Неисчерпаемая	Немелочная
	Непростая
Неугрюмая	Незамкнутая
Несгибаемая	Неутомимая
Неумолимая	
Незамкнутая	Непреклонная
Некорыстная	Некорыстолюбивая
Непредубеждённая	Незлопамятная
Нелицеприятная	
Неоткрытая	
Несспешная	Неторопливая
Невообразимая	Нетщеславная
Неудержкая	Нескучная
Неспросливая	
Незлая	
Неизъяснимая	Неустрашимая
Непритязательная	Нескупая
Неказённая	Неподражаемая
Непобедимая	Нестайная
Необыкновенная	Непреоборимая
Нескучная	
Невероятная	Незабвенная
Нельстивая	Непартийная
Негрубая	Неотразимая
Независимая	
Незаурядная	Неравнодушная

Неповторимая
Непритворная

Неукротимая,
Несчётливая
Неробкая
Нетрусливая
Незлобливая

Несгибаемая
Непривередливая
Немстительная

Непокорная,
Неумолимая
Неоднообразная,
Нескабрёзная.

Множество эпитетов открыто

А. Е. Кузьмичев

Главный редактор «Ивановской газеты»

**«ФОРМА И СОДЕРЖАНИЕ».
 ВЛИЯНИЕ Л. А. РОЗАНОВОЙ НА ДУХОВНОЕ
 И ТВОРЧЕСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ
 ПЛЕЯДЫ ЖУРНАЛИСТОВ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

Человек, мама, бабушка, педагог, ученый, друг – во всех этих ипостасях Людмила Анатольевна Розанова была настоящей, ни разу не уклонившись от идеала.

Человек-камертон для тысяч своих учеников. Здесь, в этой аудитории, у каждого свои истории и воспоминания, связанные с Людмилой Анатольевной.

Много лет назад у меня, студента заочного отделения филологического факультета, казалось, не было ни одного шанса стать успешным учеником у профессора Розановой. Еще в школе я довольно смело заявил учителю, что автор стихотворения «Размышления у парадного подъезда» был трусом, раз не вступился за бедных и несчастных людей. Педагог тогда доходчиво объяснила мне, в чем и почему я не прав. Но, какказалось тогда, отношения с Некрасовым не сложились.

И вот спустя годы, я на занятиях у профессора, которая бо́готворит Николая Алексеевича. Слово за словом, мысль за мыслью, очень внимательно, вдумчиво, с любовью к делу Людмила Анатольевна раскрывала перед нами мир русского языка и литературы. Нам, студентам, было непросто, профессор, как вы знаете, человеком была строгим. Но все играло новыми красками и смыслами. За школьные «размышления у парадного подъезда» было, конечно, стыдно. Но именно так мы росли над собой, погружаясь в мир филологии.

Чуть позже мне выпала удача личного общения с Людмилой Анатольевной. Мы друзья с Ильей Николаевичем, внуком Людмилы Анатольевны, и благодаря этому мы с супругой оказались у них дома. Очень скромная обстановка и огромное количество книг, которые были повсюду, как полноправные члены семьи.

Неформальное общение с Людмилой Анатольевной – это то, что навсегда остается с нами. Она любила и умела слушать собеседника. Кажется, она так хотела понять дух времени, почувствовать – чем мы, молодые, живем, что нас волнует. При этом через, казалось бы, простые слова она достигала философских высот. Очень просто профессор умела объяснить и донести то, на что ты искал ответа долгие годы.

В то время я уже работал телевизионным журналистом. И в разговорах с коллегами узнавал, что учеников, которые пошли в журналистику, у Людмилы Анатольевны – десятки, если не сотни. И все они с теплом и даже нежностью вспоминают годы в университете и уроки, которые нам давала профессор.

И главное – Людмила Анатольевна, как сейчас становится очевидным, воспитывала в нас не только филологов, но еще и граждан – ответственных, грамотных, профессиональных. Прививала умение ценить русский язык, нашу великую литературу, бережливость к каждому слову. Да, многие из нас не стали педагогами, но мы получили важный урок – быть порядочными людьми, которые честно делают свое дело. Уверен, многие журналисты Ивановской области стали теми, кто они есть, в том числе и благодаря педагогическому таланту Людмилы Анатольевны.

Однажды мы снимали репортаж о том, как Людмила Анатольевна прошла годы Великой Отечественной войны. И это был еще один штрих к ее удивительной жизни. Представить тяготы и боль, с которыми столкнулось в те годы ее поколение, нам невозможно. Правда, и тогда она находила место позитиву.

И здесь нельзя не вспомнить фирменный юмор Людмилы Анатольевны. Так умеют шутить только очень умные люди.

Как пример – одна история из нашей студенческой жизни.

Людмила Анатольевна неспешно прохаживалась между рядами парт, поскрипывая половицами.

– Итак, молодые люди, записываем. Тема нашего занятия: «Форма и содержание». Чем они отличаются друг от друга? Мои юные друзья, внимание – история из жизни! Я, профессор университета и доктор наук, но старая и дряхлая, подхожу к двери троллейбуса. Со мной одновременно к двери троллейбуса подходит студентка первого курса, но молодая и красивая. Двери троллейбуса открываются. На пороге стоит студент – красивый и дерзкий.

Он, студент, подает руку студентке, молодой и красивой, а мне, профессору, но старой и дряхлой, руку не подает. Отсюда – вывод, который вы, дети мои, полагаю, сделали уже сами. Тема следующего занятия – «Композиция произведения». Случаев из жизни не будет, а потому запишите параграфы, которые вы должны прочитать самостоятельно, уделяя должное внимание и форме, и содержанию.

Сегодня я точно знаю – Людмила Анатольевна Розанова была именно таким человеком, у которого и форма, и содержание соответствовали идеально.

И я счастлив, что был ее учеником и был знаком с Великим Человеком.

П. М. Тамаев

Ивановский государственный университет

СВОЕ МЫ ДЕЛО СОВЕРШИЛИ – МЫ НЕ НАПРАСНО В МИРЕ ЖИЛИ. СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЯХ НАШИХ

*Всегда благодарим Бога за всех вас,
вспоминая о вас в молитвах наших,
непрестанно памятуя ваше
дело веры и труд любви и терпение...*

*Братья! вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно? ...*

Столетние юбилеи событий и значимых фигур отечественной истории, науки в наше переворотившееся бешеное время, скопее, проходят не замеченными. Вспоминать имена творцов русской словесности и филологии – нужно ли? Прежде классика учила жить, теперь же литература не нужна, более того, выродилась в продукцию, одетую в яркие обложки; «роман – эпос нового времени», по словам современного филолога, превратился в «роман – тормоз нашего времени».

И тем не менее... В 2019 году, к столетнему юбилею со дня рождения П. В. Куприяновского, была открыта мемориальная доска на стенах главного корпуса ИвГУ. Нынешний, 2025 год, знаменателен еще одним юбилеем – столетием со дня рождения Л. А. Розановой. Заслуги их в созидании нашего университета несомненны. Первый ректор ИвГУ В. Н. Латышев многажды неоднократно отмечал, что в становлении нового учебного заведения, университета (заметим в ту пору, 1973 год, ни в Ярославле, ни в Костроме, ни во Владимире – университетов не было и не предвиделось) большую роль сыграли и Куприяновский, и Розанова. Первый уже был доктором наук, вторая вскоре (1975) защитила докторскую диссертацию. Именно им доверено было создать и возглавить кафедры, научно-педагогические коллективы нового

университетского уровня. Сегодня, когда идет тотальное наступление на русскую литературу, культуру, на гуманитарную науку, становится особенно актуальной память о наших учителях.

Павел Вячеславович Куприяновский и Людмила Анатольевна Розанова всей своей жизнью творили историю филологического факультета Ивановского госуниверситета. Именно они стали создателями ивановской филологической школы. Одна из ее особенностей состоит в соотнесенности с деятельностью выдающихся филологов Ленинграда-Петербурга. П. В. Куприяновский в статье «В. Е. Евгеньев-Максимов – исследователь некрасовских журналов», представляя портрет своего учителя, акцентирует внимание, пожалуй, на главной черте его бытия – аскетизме в одежде («обтрепанное пальтишко», в еде – «знаменитая пшенка»), но прежде всего в подвижническом труде, результатом которого стала 3-х томная монография «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова».

Младшего брата В. Е. Евгеньев-Максимова, Д. Е. Максимова следует назвать непосредственным наставником Куприяновского и в немалой степени Розановой. Максимов в годы войны был эвакуирован из Ленинграда в Иваново. Работал в 1942–1944 годы в Ивановском пединституте. Куприяновский стал аспирантом Максимова, защитил под его руководством диссертацию о журнале «Северный вестник», до конца жизни сохранял научные, дружеские связи со своим научным руководителем.

Л. А. Розанова отмечала (см.: «Тайны закрытых писем (из писем Д. Е. Максимова Л. А. Розановой)», что взаимный интерес друг к другу прошел через всю их долгую жизнь. Письма Дмитрия Евгеньевича помогают нам понять какие-то существенные стороны личности одного из основателей ивановской школы литературоведов.

Наши учителя впитали в себя принципиальные основы научного существования, воспринятые ими от своих наставников. Д. Е. Максимов в автобиографической заметке «О себе» (1986) так обозначал понимание гуманитарной деятельности: «Хотелось бы, чтобы наша «наука», сознавая свое индивидуальное лицо в необозримом потоке общечеловеческих знаний, вместе с тем ни при каких условиях не отделялась бы от него, от жизни вообще в особую изолированную область».

Для Людмилы Анатольевны Розановой это стало жизненным принципом. В автобиографии (1958), жанре по своей природе информационном, ключевыми станут слова: «отец работал», «мать работала», «я окончила школу, поступила в институт, поступила в аспирантуру, работала доцентом кафедры». Кказанному добавим, что учеба в институте пришлась на военные годы, а в аспирантуре – на крайне сложные для всей страны послевоенные лета 1947–1950.

Если определять значимые вехи филологического труда Л. А. Розановой, то его начало – 1970-й год – время появления книги «Поэма Н. А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”. Комментарий». Собственно, в ней определяющими стали основные приемы научного исследования, которые характерны для отечественной историко-литературной науки: опора на источниковедческие разыскания, отстаивание теоретико-философского понимания художественной системы поэта. Книга долгое время была востребована как школьным учителем, так и вузовским преподавателем. Однако, по признанию Л. А. Розановой, у нее возникало намерение «существовать второй более совершенный вариант книги «Поэма Н. А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо»». Эта работа завершена – ищу спонсора».

Удивительна масштабность научных замыслов Л. А. Розановой: вслед за комментарием к поэме «Кому на Руси жить хорошо» книгой выходит обстоятельное исследование – учебное пособие по спецкурсу «Поэзия Некрасова и народников». По жанру эта книга – скорее, монография, так как в ней решаются фундаментальные теоретические и историко-литературные проблемы. Постигнуть исторический феномен, получивший название «хождение в народ», понять литературное народничество как явление отечественной словесности, найти точки соприкосновения художественных исканий и миров поэзии Некрасова и народников – вот тот круг вопросов, на которые следовало ответить Л. А. Розановой. В решении этих непростых проблем исследователю важно найти то центральное звено, которое поможет многое объяснить. Таковым оказывается затянувшийся спор о народе, обо всем, что касается народного характера, народного мировоззрения и эстетики, о задачах их изучения. Проблема народознания связана с проблемой массовой народной книжки, поэтому литература, по

мнению ученого, стремится сохранить и возродить фольклорные жанры. Некрасов и народники с помощью устно-поэтических форм нацелены на создание «народной книги» демократического содержания, книги умной, понятной и правдивой. «Народная книга» как особое явление словесности в творчестве Некрасова – центральная и сквозная для филологических разысканий Л. А. Розановой. Ее долгие годы занимал тот научный сюжет, суть которого сформулировал сам поэт: опереться на «весь опыт», «все сведения о народе, накопленные по словечку в течение двадцати лет», и «создать народную книгу».

Осмысливая исследовательский опыт Л. А. Розановой, следует обратить на такую его особенность: многие ее книги вышли в свет в издательстве «Просвещение», продукция которого адресована школьному учителю. «О творчестве Н. А. Некрасова» (1988) – книга для учителя. Адресат предопределил тематику глав, опыты анализа некрасовской лирики и его поэм. Знаменательно, что практически все ее литературоведческие поиски получали «обкатку» в многолетней преподавательской работе, особенно в спецкурсах.

К большому сожалению, не увидела свет рукопись книги о духовных стихах Д. Н. Семеновского. Это исследование, по нашему убеждению, могло бы представать в виде многостраничной книги о поэте в серии ЖЗЛ. Существенным заделом, основой для таковой послужила бы книга о Д. Н. Семеновском «Он – поэт настоящий» (Ярославль, 1977). В этом исследовании Людмила Анатольевна руководствовалась принципом, который выработала отечественная филология: «Нужно уметь идти за писателем и художником всюду, куда он нас ведет, и видеть все, что он нам показывает». Ее сосредоточенное чтение воспроизводит душевный и духовный акт писателя, отыскивает скрытый духовный клад, желая найти его во всей полноте, и присваивает его себе.

Последнее же по времени, крупное по объему (почти 19 п. л.) и по решению исследование – «Шуйские родники (2007). В разговоре с пушкинодомцем, руководителем Некрасовской группы Института русской литературы Б. В. Мельгуновым, Л. А. Розанова заметила, что «хотелось бы успеть с книгой по совершенно новой для меня проблематике». Цель этого труда – оценить уцелевшее, назвать его подлинным именем и главное – отыскать заново источник русской культуры, задвинутый

культурологическими концепциями на задворки интеллигентского сознания, возомнившего о своей самодостаточности. Не случайно, в качестве эпиграфа выбраны слова В. Г. Распутина, убежденного, что «провинция – огромный составляющий Россию и питающий ее материк и вместе с тем сумма земств, каждое из которых со своим лицом». Л. А. Розанова как раз и представила исследование о духовной жизни такого земства, малого города Шуи и его окрестностях, о творческих усилиях выдающихся деятелей и рядовых граждан. При написании книги сердце автора согревали строки любимого ею Некрасова: «Не бездарна та природа, / Не погиб еще тот край, / Что выводит из народа / Столько славных то и знай».

Уроки жизни Людмилы Анатольевны Розановой и людей ее поколения, социального, трудового, гражданского бытования говорят нам о вещах простых, изначально подлинно высоких. Сперва – Родина, народ, и лишь потом – ты сам, и ты обязан служить, работать ради процветания и счастья своего Отечества, людей вокруг. Это не аскеза, не внутреннее или внешнее принуждение, не подвиг... Это естественное, как дыхание, самопроявление, ибо иного пути, коли хочешь чувствовать и называть себя человеком, нет и быть не может. В этом не было ни малейшей натуги, стремления выглядеть.

Раздел II

ИЗ РАБОТ Л. А. РОЗАНОВЫЙ

Л. А. Розанова

ШУЙСКИЕ РОДНИКИ

(Шuya: Весть (ШПГУ), 2007. С. 34–43)

Глава I

*От шуйских родников – к А. С. Пушкину,
от поэзии Пушкина – к шуянам*

«Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой...» Сейчас можно бесконечно изумляться пророческому значению этих слов из стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836). Не менее удивляет и то, как широко виделась автору эта связь «писатель – страна». В сопоставлении с этим утверждением наш результат рассмотрения заявленной проблемы весьма бледен, но всё-таки...

Высказанное в первом из очерков предлагаемой книги утверждение (о похожести и непохожести духовной жизни Шуи и региона на то же в других малых городах отечества) подкрепляется рядом материалов, связанных с родом Пушкиных и вышедшим из этого рода гениальным поэтом. Пушкины вошли в среду и сознание шуян задолго до рождения великого поэта. Они жили, действовали тут, рядом. О некоторых представителях этого рода-долгожителя существовали устные рассказы, ходили легенды, принятые или отвергнутые предположения и т. п. В неоднократно возникавших и частично опубликованных «Росписях рода Пушкиных» (Б. Л. Модзалевский и др., 1932; А. А. Черкашин, 1998 и пр.) установлено двадцать одно колено родственных связей поэта Пушкина, и через некоторых лиц или некоторые семьи – с нашим регионом.

Во второй половине XVI века в Юрьевце на Волге воеводой был Михаил Ильич Пушкин. В XVII веке Пушкины владели селом Лежнево. Есть косвенные свидетельства родства с князем Дмитрием Пожарским, имевшим в Шуйском уезде вотчину и некоторое время проживавшим там. Фёдор Тимофеевич Пушкин в 1612 году участвовал в ополчении Минина и Пожарского, за что впоследствии был пожалован землями в Палехской волости Владимирской

губернии. Теперь исчезнувшее сельцо Терехово принадлежало Никите Илларионовичу Пушкину. Пушкины же владели деревней Иконниково, с течением времени вошедшей в состав Вознесенской слободы (теперь – часть областного центра – города Иваново)¹. Небольшие владения в нашем крае имела и бабушка поэта. Некоторые сведения о связях Пушкиных с бывшим Кинешемским уездом есть в литературно-краеведческом очерке Николая Васильевича Воробьёва «Кинешемская тропинка к Пушкину», в частности, информация о визите самого писателя к двоюродному дяде, Александру Юрьевичу Пушкину, в усадьбу Новинки, полученную в качестве приданого при женитьбе на Александре Ларионовне Молчановой².

Чем ближе к нашему времени, тем чаще возникал интерес к самому поэту, формировалась – постепенно – даже своего рода литературная традиция. Например, уже в XX веке (1936–1937 годы) на страницах местной периодики (газеты, журнал «Пламя») возникли предположения и утверждения о том, что автор романа «Евгений Онегин» бывал то ли в Шуйском уезде, то ли где-то поблизости от него. Инициатором таких заявлений выступил известный тогда краевед-ивановец И. И. Власов, записавший рассказы старожилов, когда-то услышанные ими от своих старших родичей. В них он встретил информацию о служебных поездках по России, в том числе – по территориально близким нам местам, приятеля Пушкина – В. И. Даля; встретил и намёки на то, что вместе с ним мог бывать здесь великий поэт. Однако, видимо, чувствуя некоторую недостаточность своих аргументов, Власов не раз проверял их в беседах с краеведами, в том числе – и с шуйнами. Разгорелась полемика. И вот в газете «Шуйский пролетарий» (1937, 11 января, № 9) появилась статья В. Рыжова «Был ли Пушкин в селе Васильевском?» Раздумья над услышанным лично от Власова, над публикациями в печати, над устными рассказами привели к отчётливо сформулированному отрицательному суждению: не был. Нам это суждение кажется значительным: провинциальные почитатели

¹ Подробнее сведения про Иконниково см.: Балдин К. Жили Пушкины на Палехской земле // Рабочий край. 1991. 9 февраля. № 30.

² Воробьев Николай. Кинешемская тропинка к Пушкину (литературно-краеведческий очерк). Кинешма, 1999. С. 20–24.

писателя стремились к достоверным сведениям о нём и воспринимали далеко не всё безоговорочно. Стремлением к истинности информации отмечена и большая часть выступлений наших современников, в частности, статьи И. Читнева «Почему Пушкин не поехал через наш край» («Шуйские известия», 2001, 6 июня).

Однако не менее, а даже более чем вопрос о возможном пребывании Пушкина в наших краях, представляются факты духовных, эстетических контактов жителей с гениальным художником слова, попытки приблизиться к нему через его сочинения. Так, в составе библиотеки юридически, а нередко и фактически связанного с Шуей, хотя и жившего в соседнем Иваново-Вознесенске известного мецената Д. Г. Бурылина были желанные для многих издания сочинений А. С. Пушкина. Например, часть вторая прижизнского издания «Поэмы и повести» (СПб., 1835); четвёртый-шестой, восьмой и одиннадцатый тома «Сочинений» из первого посмертного издания (СПб., 1838–1841); пятый-шестой из «Сочинений» с приложениями, составленными известным знатоком книжного дела Ч. Геннади (СПб., 1859); тома второй-третий и пятый- шестой из Полного собрания сочинений, осуществлённого Я. Исаковым (СПб., 1869–1871); тома второй, седьмой-десятый из предпринятого А. С. Сувориным массового издания «Сочинений» А. С. Пушкина (СПб., 1887). В собрании имелось и уникальное юбилейное издание «Автографы рукописей А. С. Пушкина» (СПб., 1899)³.

В феврале 1840 года священник села Всегодичи соседнего с Шуйским Ковровского уезда В. Ф. Тихонравов сочинил стихотворение «Письмо к Льву Полисадову (protoиерею с. Лежнева Ковровского уезда, школьному товарищу)». Недавно овдовевший адресат был «скорбью отягчён». И вот автор письма пытается утешить его, включая в своё послание реминисценцию из Пушкина, основанную на сравнении пристрастий молодых лет с легко исчезающим сном, туманом («К Чаадаеву») и своё не лишённое философичности резюме: «Но что хвалы людей? Лишь дым, – сие

³ Каталог Библиотеки Музея Д. Г. Бурылина в г. Иваново-Вознесенске. Т. I. Вып. 1. Иваново-Вознесенск, 1915. С. 133.

словцо Поэтом сказано из русских превосходным⁴ «Поэт <...> из русских превосходный» – смелая и точная похвала, тем паче, что произнесена он через три года после смерти Пушкина. И направлена она к человеку, который превосходно знал отечественную литературу, «Старался прочитать любую новую книгу в прозе и стихах, пользуясь также библиотеками поместьев Чернавиных и Чихачёвых»⁵ (последние зрелую пору жизни обитали в селе Зименки Шуйского уезда; там и книги, естественно, держали). Теперь, снова следует вспомнить Сергея Рыскина, во второй половине семидесятых годов XIX века воспитанника Шуйской гимназии. По выходе из неё ему волею судьбы пришлось трудиться то на текстильной фабрике, то на железной дороге. Но когда он целеустремлённо начал публиковать свои литературные опыты, опосредованная связь с Пушкиным не осталась секретом для внимательных читателей, особенно в группе стихов о поэзии и поэтах. Эта связь несомненна и в произведении «Волканы», построенном на сопоставлении писателя и пророка:

Священный пламень
Таил души его родник,
– И оживлял холодный камень
Его пророческий язык;
Струились огненным потоком
Его могучие стихи;
Гремел он громом над пороком;
Карал бестрепетно грехи⁶.

Не требуется особой осведомлённости, чтобы назвать в качестве одного из литературных источников поднимавшее ту же тему стихотворение Пушкина «Пророк».

Серия статей или книг, открывающих духовно-эстетическую связь шуйян с Пушкиным, могла бы быть реализована,

⁴ Опубликовано Фроловой Э. В. в качестве приложения к статье «Лев Палисадов – ковровский благочинный пушкинский поры» // Рождественский сборник. Вып. 43.

⁵ Указ. статья. Ковров. 1999. С. 40.

⁶ Первый шаг. Собрание стихотворений С. Ф. Рыскина. М., 1988. С. 206.

вызвана к жизни темой «Бальмонт и Пушкин». Работу эту в течение нескольких лет осуществлял профессор П. В. Куприяновский⁷. Но в принципе она ещё требует продолжения (так много материалов) и обобщения. Результат некоторых наших штудий будет освещён ниже, в разделе о Бальмонте.

Возникшее при знакомстве со сказанным мнение о том, что к Пушкину тянулись и люди разных поколений и люди разной социальной принадлежности ещё усилится при осмыслении ряда других фактов и обстоятельств.

Среди последних бывали и курьёзы, подобные тому, как в тридцатых годах XX века в Шуе появилось сразу шесть (!) Пушкинских улиц (на месте стольких же Рыковских)⁸.

Перед столетним юбилеем поэта и в дни его проведения официальные инстанции не освободили себя от забот о формировании отечественной духовности. Императором было дано разрешение на устройство и присвоение отдельным учреждениям имени А. С. Пушкина. Курировалась и контролировалась возможность получить первое посмертное собрание сочинений поэта (шеститомное), подписка на которое по всем губерниям проводилась по особому лимиту⁹. На Владимирскую губернию прислали сорок

⁷ См., например: Куприяновский П. В. «Пушкин – наше солнце: к вопросу о восприятии Пушкина К. Д. Бальмонтом. – «Русская литература. 1999. № 2; Он же: Пушкин и Пушкинская традиция в восприятии К. Д. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Выпуск 4. Иваново, 1992; Он же. «Пушкинское» в стихотворных текстах К. Д. Бальмонта // Поэтический текст и текст культуры: Международный сборник научных трудов. Владимир, 2000. Значительная часть достигнутых в изучении этой проблемы результатов систематизирована в книге Куприяновский П. В., Молчанова Н. А. Поэт Константин Бальмонт // Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.

⁸ Шилов Л. Н., Иванов Ю. А. Из Рыковских в Пушкинские: история одного переименования. Провинциальный анекдот // Чтения оп региональной казуальной истории. Вып. Второй. Шуя, 2002.

⁹ Монякова О. А. Подписка на первое посмертное издание сочинений А. С. Пушкина во Владимирской губернии // Рождественский сборник. Вып. VI // Провинциальное общество и культура (К 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина). Ковров, 1999. С. 19.

подписных билетов. Четыре из них реализованы в Шуе (совсем не- мало с учётом состава губернии). Среди Шуйских подписчиков оказались предводитель дворянства майор С. А. Иконников и исправник Н. Д. Языков. В городских управах и земских собраниях проводились специальные заседания с вопросом о проведении юбилея (в Шуе, Пучеже, Кинешме, Иваново-Вознесенске и т. д.) По наблюдениям Ю. А. Иванова, городские управы, земские и учебные учреждения, подталкиваемые властью свыше, согласовывали свои начинания. Отсюда – их похожесть, а от местных обстоятельств – непохожесть¹⁰.

Так, Владимирское земство приобрело для каждой из земских школ губернии 575 экземпляров полного собрания сочинений А. С. Пушкина. Не менее интересно и то, что после дважды организованных в городском театре губернского центра юбилейных чтений слушателям бесплатно вручили 1000 экземпляров сочинений писателя¹¹.

В Шуе, в Воскресенском соборе, была отслужена торжественная литургия, на которую были приглашены воспитанники городских училищ. На последовавшем затем концерте, где звучали стихи поэта и музыкальные произведения на его слова, учебным заведениям за счёт городской казны вручались портреты писателя, было объявлено также об учреждении в городском училище двух пушкинских стипендий для успешно занимающихся детей «несостоятельных родителей». Торжества прошли, по сути дела, во всех земских школах. В селе Васильевское в празднике участвовало более трёхсот учащихся из школ округи. Над входом в училище был прикреплён портрет писателя. После литургии в Троицком храме в училище состоялся концерт из текстов Пушкина, музыкальных произведений на его слова. Прозвучала кантата М. М. Ипполитова-Иванова «Творец волшебных песнопений».

В «заштатном» городе Шуйского уезда Иваново-Вознесенске праздник продолжался два дня. После обедни и панихиды в реальном училище было произнесено несколько речей и докладов, состоялся концерт с гимнами и кантатами, прославлявшими

¹⁰ Иванов Ю. А. Уездная Россия. С. 153 и др.

¹¹ Пушкинские дни в губернском городе Владимире (26–29 мая 1899). Владимир, 1899. С. 1, 4, 8.

великого художника. В общественном собрании прошёл литературный вечер со сценами из драмы «Борис Годунов». Мужскому приходскому и женскому училищам было присвоено имя Пушкина. Всем учащимся в качестве памятного подарка вручено по сборнику избранных произведений поэта¹².

В принципе почитание Пушкина в Шуе сложилось, как частично показано выше, давным-давно и независимо от юбилейных дат. В конце XIX – начале XX века здесь возник своего рода культ Пушкина, органично вписавшийся в общую картину духовных запросов и интересов шуйян, взаимодействовавший с ней. Взаимодействие наличествовало и в содержании тех или иных начинаний и в их проведении во времени. Допустим, 1 января 1892 года местные поклонники искусства в зале Шуйского земства дали концерт «в пользу пострадавших от неурожая». Среди разных произведений там декламировались «Терек» М. Ю. Лермонтова, «Зелёный шум» Н. А. Некрасова и звучал романс Пушкина-Николаева «Няня»¹³. Шуйнам нравилось проводить «чествования», литературные вечера, памятные встречи. Сохранилась, например, «Программа чествования памяти В. А. Жуковского в Шуйском духовном училище» (6 мая 1902 года). Её первое отделение выглядело так: «1. Молитва. Чтение о характере поэзии В. А. Жуковского. 2. Торжественный гимн в честь Жуковского». Во второе отделение включались «Актовая песня “Дружно, братцы, песню...”» и «Чтение биографии В. А. Жуковского»¹⁴. Или вот проспект ещё одного чествования: «Программа чествования шуйскими гимназиями Н. В. Гоголя в память столетней годовщины его рождения» (20 марта 1909 года). В ней чётко отражено взаимодействие как разных по характеру и времени пластов культуры (музыка, искусство слова, писательского и исполнительского, искусство публичного общения), так и поколений (учителя и ученики). Вступительное слово произнёс директор одной из гимназий В. И. Стовичек,

¹² Некоторые сведения о юбилейных Пушкинских днях в Шуйском уезде взяты из работ: Кочанова Надежда. Сто лет назад // Рабочий край, 1999. 9 апреля. № 58; Иванов Ю. А. Уездная Россия. С. 153 и др.

¹³ ГАИО. Ф. 255. Оп. 1. Ед. хр. 88 (Программы вечеров в Шуе, посвященных знаменательным датам...). Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 8.

небольшую лекцию «Основные черты жизни и творчества Н. В. Гоголя» прочёл преподаватель И. Н. Никольский, хор учеников и хор учениц дважды (при начале и завершении встречи) исполнили «Гимн Гоголю» (слова Случевского, музыка Главача). Ученица шестого класса Суслова выступила со стихотворением Буланиной «Слава Великому Гоголю». Звучали даже «Песня головы» и «Песня Левка» из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». Выбранные для исполнения тексты самого Гоголя удачно раскрывали и его талант, и круг интересов: отрывки из повестей «Тарас Бульба», «Старосветские помещики», «Майская ночь», из «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», из поэмы «Мертвые души» (тут действовали учащиеся 4–8 классов)¹⁵.

Иногда памяти писателя посвящалось лишь одно отделение какого-либо концерта. Так, например, было на состоявшемся 28 сентября 1908 года «бесплатном музыкально-литературном вечере, по поручению Педагогических советов Шуйских гимназий (отметим для себя ещё один источник культурологических инициатив. – Л. Р) И. Е. Чернышевым для учащихся обеих гимназий старшего возраста». Тут одно из отделений посвящалось памяти А. В. Кольцова. Читались тексты поэта, представлялись живые картины, звучало сольное и хоровое пение – всё это, как и аккомпанемент на рояле, исполнялось учащимися¹⁶.

Дошедшие до нас программы и афиши позволяют думать, что большинство таких начинаний не обходилось без текстов Пушкина. В частности, 6 февраля 1890 года на литературно-музыкальном вечере в пользу недостаточных учениц Шуйской женской гимназии В. А. Ясинским была исполнена ария «О поле, поле, кто тебя усеял...»¹⁷. 9 мая того же года на другом благотворительном литературно-музыкальном вечере из пятнадцати номеров восемь были пушкинскими: два хора из оперы «Руслан и Людмила» (интродукция и финал), дуэт Лизы и Полины из оперы «Пиковая дама», ария Гремина из оперы «Евгений Онегин», монолог из

¹⁵ Там же. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 17.

¹⁷ Там же. Л. 13.

«Скупого рыцаря» и др.¹⁸ 28 сентября 1905 года известная солистка императорских театров М. И. Долина первое отделение своего концерта в Шуе открыла арией княгини из оперы «Русалка», а во втором исполнила ариозо Парасхи из оперы Н. Соловьёва «Домик в Коломне»¹⁹. Вероятно, небезынтересно, что в тот же приезд, но в Иваново-Вознесенске, она пела романсы и тексты в основном на слова Н. А. Некрасова. Почти через одиннадцать лет (17 февраля 1916 года) на концерте в Шуйской мужской гимназии учитель В. А. Водарский читал «Вакхическую песнь» Пушкина²⁰. На исходе того же года (27 декабря) на литературно-музыкальном вечере учащихся мужской и женской гимназий (в пользу нуждающихся воспитанников) была поставлена сцена из «Русалки» (трое участников и хор учениц)²¹. «Нельзя сказать, что ежегодно», – заметит скептик. – «Но с завидным постоянством», – возразит оптимист. И напомнит о необычности источника информации.

Интересны факты инициативы самих учащихся в организации и проведении тематических вечеров или утренников. Например, для торжественного исполнения «Кантаты на 300-летие царствования дома Романовых» слова написал ученик пятого класса Шуйской гимназии П. Орехов²². Или другой факт. До наших дней дошла, в частности, прекрасная, от руки выполненная «Программа литературного утра Шуйского городского училища по случаю юбилейного празднования столетия со дня рождения великого русского поэта А. С. Пушкина». Открывалась она рисованым карандашом (учеником Лобановым) портретом писателя. Состоял утренник из двух отделений, которые формировали представление о разном Пушкине: гражданине и патриоте, поэте-философе и поэте-пейзажисте, лирике и эпике. Начинался и завершался утренник хором учеников, подготовивших гимн «Боже, царя храни». Хором же исполнялись «Было время – процветала» и «В поле чистом». В ходе встречи учитель И. И. Блинов четырежды выступал

¹⁸ Там же. Л. 15.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Л. 4 а.

²¹ Там же. Л. 30.

²² Там же. Л. 22.

с рассказом о разных звеньях жизни и творчества Пушкина. В четвёртом из этих фрагментов освещалось значение литературной деятельности А. С. Пушкина. Показывалась «Сцена в корчме на литовской границе», в ней были заняты сразу шестеро учеников (Синаев, Лобанов, Бабурин, Лавров, Колотилов, Ананьев). И, естественно, читались стихи: отрывок из поэмы «Медный всадник», «На родине», «Брожу ли я вдоль улиц...» (учащиеся Никифоров, Большаков, Пысин)²³. Сам факт существования таких программ, афишек, объявлений и, тем более, факт проведения таких встреч – явный показатель заинтересованности. Весьма значительным было приобщение к творчеству Пушкина воспитанников и педагогов Шуйского духовного училища, в чем-то более значительным, чем в других (аналогичных) учебных заведениях. Подробней это будет освещено ниже, в очерке о постановке предметов литературного цикла в названном образовательном учреждении.

Следовательно, культ Пушкина в Шуе формировался усилиями с разных сторон. Нередко его лелеяли, поддерживали, оберегали преподаватели гимназий и духовного училища (И. Блинов, П. Голиков, священник С. Переборов, несколько позднее – В. Водарский), врач Н. Звездин, кое-кто из чиновников и дворян, появившиеся в городе музыканты, активно выступавшие на литературных вечерах и утренниках учащиеся. Можно говорить об особой роли многочисленной семьи Бальмонтов, где любили книгу, где было много молодых людей, и часть из них подобно Константину Бальмонту относила стихи Пушкина к наиболее сильным литературным воздействиям, а их автора считала «самым русским поэтом», «почти на все вопросы отвечающим». Нередко именно Пушкин объединял этих разных людей в каких-либо начинаниях. С культом Пушкина в определённой степени связана и деятельность, условно говоря, дамских любительских кружков – Д. М. Маньковой и В. Н. Бальмонт, матери ставшего знаменитым поэта-шуйнина²⁴.

²³ Там же. Л. 6–6 об.

²⁴ Подробнее см.: Каширина Н. А. Они служили театру от гимназического театра до школьного // Историко-культурный и природный потенциал шуйского края. С. 73.

Было бы справедливым вспомнить и о существовавшем несколько десятилетий «пушкинском» кружке медиков. В последнее время его возглавляла Нина Александровна Лебедева. Ещё живы люди, которые помнят, как в её дом приходили Л. Балашова, Н. Здорова, М. Кузнецова и другие почитатели Пушкина. Они «говорили о Пушкине, читали его стихи, пели романсы и вспоминали, как в своё время, когда были помоложе, ездили по пушкинским местам»²⁵, – свидетельствовала одна из мемуаристок. Ею же рассказано о костюмированной встрече участников кружка, проведённой к юбилейной пушкинской дате.

И нетронутые, и, понятно, несистематизированные шуйско-пушкинские материалы подвели нас к ещё одному вопросу: об особой, выдающейся роли отдельных шуйян в сохранении и раскрытии светлых лучей, сияния от планеты «Пушкин». Конечно, это В. А. Водарский, который взялся за учительский труд в Шуе, будучи уже известным в кругах учёных-пушкинистов. Конечно, это врач Н. А. Звездин, сам всю жизнь создававший свою «пушкиниану» и изрядно потрудившийся – в качестве сначала советчика, а затем душеприказчика – для сохранения «пушкинианы» своих друзей: В. А. Водарского и ивановца И. И. Власова. Им – Водарскому и Звездину – посвящаются отдельные очерки в четвёртой части предлагаемой книги. Да и совсем в другое, более близкое и нам время убеждение в значимости, важности Пушкина для многих было столь незыблемо, что здесь, в Шуе, возникали теоретические исследования и даже публиковались рецензии на работы о нём. Например, на первый том монографии Б. В. Томашевского «Пушкин» (М.; Л., 1956)²⁶. С Шуей косвенно связаны и попытки

²⁵ Там же. Л. 6–6 об.

²⁶ Сухарев Г. М. О реализме творчества А. С. Пушкина // Ученые записки Шуйского государственного педагогического института. Вып. IV (Педагогические науки, психология, методика, история, литературоведение). Шуя, 1957: *Он же*. Ценный вклад в пушкиноведение // Ученые записки Шуйского государственного педагогического института (История КПСС, история СССР и зарубежных стран, филологические науки, педагогика, психология). Шуя, 1958. К сожалению, во второй из статей не привлечены собственно местные материалы, однако любопытен общий обзор пушкинских штудий Б. В. Томашевского.

перепроверить какие-то обстоятельства жизни и смерти великого писателя. Так, уроженец Шуи, врач Л. Журавский, праправнук знаменитого В. И. Даля (друга Пушкина, составителя «Толкового словаря живого великорусского языка»), выпустил в Твери книгу «О некоторых недостатках в оказании помощи при ранении и лечении А. С. Пушкина», где доказывал, что от начавшегося перитонита раненного поэта можно было спасти, если бы удалось остановить кровотечение, что способы лечения подобных ран тогда уже существовали²⁷.

²⁷ [Б. п.] Наш земляк доказал, что Пушкина можно было спасти // Юдни-2 (газета). «002. Январь. № 4. С. 9.

Л. А. Розанова

**О ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. НЕКРАСОВА:
КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ
(М.: Просвещение, 1988. С. 212–219)**

Одно из смелых решений Некрасова в раскрытии первой из них (души народной. – *H. K.*) состояло в признании постоянного движения души (отдельных людей и народа в целом), в обусловленности этого движения конкретно-историческими, конкретно-социальными обстоятельствами. Далеко не все из его современников признавали такую возможность. Аполлон Григорьев, например, считавший Некрасова «народной натурой», «человеком с народным сердцем», поэтом, сумевшим выразить «существо русской национальности», именно в статье о нем утверждал: «Никаких новых начал, кроме из стаинных и вечных, в современной поэзии нет, да и быть не может. Новые формы, а начала все те же, как та же душа человеческая, решительно не подлежащая развитию»¹.

Несомненно, были верно поняты, отражены автором крестьянских поэм и коренные свойства народной души. Это высоко ценилось рядом его современников, первых исследователей. Напомним хотя бы такое суждение: «...иностранный, который бы захотел изучать состояние русской души в эпоху шестидесятых – семидесятых годов, станет изучать ее по одному лишь Некрасову»².

В упоминавшихся выше частях и главах, как и в других фрагментах «Кому на Руси жить хорошо», в общую ткань повествования включаются, тоже неравномерно, тоже не только по восходящей, а иногда отодвигаясь, иногда усиливаясь, тема и образ сердца, но опять-таки для раскрытия существенных сторон народного миропонимания в качестве эффективного способа раскрытия авторской позиции любым слоям читателей, прежде всего читателям из народа. Отношение последних к современной литературе чрезвычайно интересовало Некрасова. Например, вручая в 60-х го-

¹ Григорьев Ап. Стихотворения Н. Некрасова // Время. 1862. Т. XII. № 7 (июль). С. 42, 16, 17, 9.

² Чуйко В. В. Современная русская поэзия в ее представителях. СПб., 1885. С. 48.

дах комплект своих книг выходцу из народа В. Н. Никитину (впоследствии не только сотруднику «Отечественных записок», но и успешно продвинувшемуся по службе чиновнику Министерства государственных имуществ, он говорил: «Прочитай, братец, внимательно и потом расскажи нам, может ли народ понимать их» (Некр. в восп., с. 289).

Само слово «сердце» и представление о нем в реальной речевой практике встречались и встречаются часто, даже потому, что так обозначается один из органов человеческого тела. Читаем у В. И. Даля: «грудное чрево, принимающее в себя кровь из всего тела, очищающее ее через легкие и рассылающее обновленную кровь по всем частям, для питания, для обращения ее в плоть». Гот же непревзойденный знаток словоупотребления обратил внимание и на другие значения: «нутро, недро, утроба, средоточие, нутровая средина; // нравственно оно есть представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположно умственному, разуму, мозгу; // всякое внутреннее чувство оказывается в сердце». И еще: «Сердце дерева, сердцевина или средина его толщи!» (Даль, IV, 175).

Не требуя, разумеется, ни теперь, ни в прошлом веке особого толкования, в «донекрасовское», «околонекрасовское» и «некрасовское» время оно включалось в язык бытового общения. Ограничимся одним подтверждением. О. М. Салтыкова в связи с арестом сына Михаила (в скором будущем писателя-сатирика) по делу Петрашевского писала в сентябре 1848 года другому своему сыну – Дмитрию: «Благодарим тебя за память о нас и сожаление о несчастном Михаиле. Скажу чистым сердцем, что эта скорбь едва ли будет переносна для меня <...>. Михайла, Михайла, как тяжко для меня, если бы он видел, как я страдаю моей душой, чего стоит израненному моему сердцу, как тягостно моей груди, то не знаю, что бы было ему легче – его изгнание или мое страдание».

Не менее щедро слово «сердце» и производные от него входили с разными значениями (в том числе – и переносными) в лексику многих литературных произведений. Без его использования невозможно представить так называемую любовную лирику целых народов и отдельных поэтов (любовную лирику Некрасова, о чем говорилось в первой главе, – тоже).

На страницах печати все громче и чаще вились речи о значимости для прогресса, для судеб народов и государств изменяющегося в истории «духа народа», о необходимости для литераторов понять и выразить его. Это не только по сей день широко известные статьи Н. Г. Чернышевского («Не начало ли перемены?»), Н. А. Добролюбова («О степени участия народности в развитии русской литературы»), но и более поздние выступления Н. К. Михайловского, П. Л. Лаврова – с его «Историческими письмами».

От произведений искусства слова ожидались большие обобщения, позволявшие нетрадиционно, точно осмыслить поворотные явления в жизни общества и государства. На этом пути возникают (продолжим наблюдения, результат которых излагался в главе «О матушка-Русь! Ты приветствуешь сына...») такие символически-обобщенные и понятийные образы, как «обрыв» у Гончарова, «Растеряева улица», «маленькие огоньки», «господин Купон», «власть земли» у Успенского, «дым», «новь» у Тургенева «плоды просвещения», «власть тьмы», «фальшивый купон» у Толстого, «красный цветок» у Гаршина и т. д.

Однако первооткрывателем в этом отношении шел все-таки Некрасов, подтверждения чему даны в начале этой главы при общей характеристике основных цепочек образов в художественном строе «Кому на Руси жить хорошо». Для произведения о Руси, произведения с «широкайшими картинами народной жизни в один из наиболее значительных исторических моментов», произведения с установкой на воссоздание не индивидуальных героев, а «героя коллективного»³, он нашел покоряющую доверительную интонацию, как будто незамысловатый, но богатый по своим возможностям, предельно-естественный, похожий на разговорную певучую речь стих, позабился о рассчитанной на убеждение неназойливой доказательности эпизодов, рассказов, песен.

Переломная для отчизны пора имела и социальное и национальное значение. Для Некрасова-художника важно было показать всю Русь, изобразить народ в характерных для него жизненных ситуациях, в окружении друзей и врагов. По этой причине и потому, что осуществляемая им работа над поэмой не исключала, а предполагала наличие, наряду с народным, других категорий

³ Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова. С. 252.

читателей, читателя вообще, он очень смело, в сравнении с многими из современников, синтезировал нетрадиционное с по-новому осмысленным традиционным.

Отсюда в «Кому на Руси жить хорошо», кроме анализируемых нами конкретных персонажей, кроме групповых образов крестьян собирательного образа народа, кроме указанных в начале этой главы понятийно-обобщенных, много значат, скажем так, вечносоциальные (труда, бедности, неравенства), вечно-природные (весны, лета, осени, неба, земли, ветра, стихии, ночи, утра, дня вечера, природы как целостности), вечно-философские (времени, борьбы, пробуждения, угасания, жизни, смерти; одна из задуманных глав должна была бы называться «Смертушка»). С этими цепочками органично взаимодействуют и образы счастья (несчастья), почвы, души, сердца.

Развитие темы и образа сердца, «сердца народного» (такими они чаще всего встают со страниц «Кому на Руси жить хорошо»), как темы и образа «души народа», «крестьянской души», подчинено своему ритму, не сразу становится единонаправленным. Возникновение их неслучайно, оно связано в первую очередь с адресованностью произведения, с учетом психологии и читательского опыта воспринимающих. Другой существенный аргумент в пользу закономерности их возникновения – в характере, свойствах всего миропонимания и поэтики Некрасова.

Не повторяя изложенных выше наблюдений над развитием темы и образа «благородного сердца» (см. первую главу), напомним лишь, что оно, сердце, жило не только любовью к женщине. В самом расширенном толковании и конкретном наполнении частей метафоры «сердце» – «любовь» – «жизнь» – одно из существенных отличий Некрасова-художника от ряда знаменитых предшественников, не исключая даже М. Лермонтова. На состояние сердца, ума, души мог влиять физический недуг. Об этом, в частности, – стихотворение «Я сегодня так грустно настроен...» (1854) с его образами «истерзанного ума», угнетенного недугом сердца и жаждущей обновления души:

Завтра встану и выбегу жадно
Встречу первому солнца лучу;
Вся душа встрепенется отрадно,
И мучительно жить захочу!

Самые разные персонажи из произведений Некрасова помнили о сердце матери: «Зарыдав над ней и над собою, Разорвем на части сердце ей» – такая картина видится детям («Плач детей», 1860). Ведомо им было «любящее сердце» родных по духу людей – см. обращенное к сестре, А. А. Буткевич, начало поэмы «Мороз, Красный нос». Рыцарь на час страдал от той «казни мучительной», которую носил в своем сердце. Показывалось, что на жизнь сердца воздействуют горе и зло мира, а освободившись от них, оно обновляется:

Да разлетится горе в прах,
Да усмирится злость –
И в обновленные сердца
Да снидет радость без конца! –

таков один из лейтмотивов стихотворения «Новый год» (1851)⁴. Даже в ситуации, когда «Надрывается сердце от муки», когда царапят «звуки Барабанов, цепей, топора», ему хотелось бы верить «в силу добра» (II, 151).

Восприимчивым сердцем (в ряде случаев – сердцами) наделялись читатели. В статье «Русские второстепенные поэты» после цитирования стихотворения Тютчева «Есть в светлости осенних вечеров...» Некрасов резюмировал: «Каждый стих хватает за сердце, как хващаются в иную минуту беспорядочные, внезапно набегающие порывы осеннего ветра; их и слушать больно и перестать слушать жаль» (IX, 207). Продолжим аргументацию примерами из поэзии: «Все ж они не хуже плоской прозы И волнуют мягкие сердца» («Праздник жизни – молодости годы...», 1855). Гражданин признавался Поэту; «твои стихи Живее к сердцу принимаю». Он же, обдумывая, анализируя настроения современников, огорчался: «Наперечет сердца благие, Которым родина свята». Живые сердца имели недавние друзья поэта, вспоминаемые в других стихотворениях: он жалеет об уходе дней, когда на его призывы «Чуткие сердцем друзья отзывались. Слышалось слово любви», когда была «Душа родная» («...одинокий, потерянный...», 1860).

⁴ Как своего рода процесс, имеющий последующие выходы в мир, к положительному действию, обновление сердце показывалось, о чем шла речь выше, в поэме «Несчастные».

Даже при создании столь специфического образа сказывается характерное для Некрасова-лирика внимание к объективному миру. Небезынтересно уточнить, что наши наблюдения соотносятся с тем рядом произведений, многие из которых принято называть гражданской лирикой. Нелишне еще раз акцентировать внимание и на времени их создания; это – канун революционной ситуации или сама революционная ситуация в России, это – пора неуклонного сближения с революционно-демократическим лагерем Некрасова-человека. Именно в эти годы происходит активное включение в тексты самых программных лирических произведений мотивов и образов сердца, души, их взаимодействия.

Посмотрим в качестве примера стихотворение «Поэт и Гражданин», где характеризуются сердце и душа Поэта (по меткому наблюдению Гражданина, после чтения Пушкина «даже сонная хандра С души поэта соскочила»), сердце так нужного для русской жизни деятеля («В ком чувство долга не остыло, Кто сердцем неподкупно прям...»), сердце путников-современников. Сердца этих разных людей, направленность и результат их деятельности зависят от большого мира, но и от свойств личности отдельного человека, зависят от его души.

Поэт, рассказывая о пережитом в юности кризисе, вспоминал: «Душа пугливо отступила...» Душа и Муза соединены в его видении и при анализе другой поры жизни:

Под игом лет душа погнулась,
Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.

Они же – Муза и душа – объединяются в его раздумьях о том, навсегда ли ему дарован был талант: «О Муза, гостьюю случайной Являлась ты душе моей?» И спорит Поэт с Гражданином не только о роли поэзии в жизни общества, о ее гражданской дидактической направленности, но и о ее истоках. Поэт утверждает

Учить других – потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.

Гражданин скорбит от осознания того, что «чужд душе поэта Его могучий идеал.

В лирике Некрасова окологреформенной поры, да и более позднего периода, изображение жизни сердца, несомненно, оказалось сопряженным с отображением, воспроизведением жизни общей. На этом и основывались новые толкования, новая значимость образа и сюжета, в которую он включался. В стихотворении «Приговор» (1877) оказался возможным обобщенный образ «сердца русского, принимающего дары от тех, кому Россия видится «Темной страной». «Камень в сердце русское бросая, Так о нас весь Запад говорит».

Для представлений о направленности некрасовской работы над этим образом многое дает лирическая миниатюра «Что ты, сердце мое, расходилося?..» (1860), построенная на трех метафорических образах (и метафорической ситуации): расходившегося сердца, разговаривающего с ним поэта и клеветы, которая «Снежным комом прошла – прокатилась», продолжает набирать силы: «...пусть растет, прибавляется». Основная для миниатюры тема «поэт и родина» – поставлена и решена, как требовал того жанр, чрезвычайно концентрированно. За исходный взят трудный момент: поэт оклеветан так, что обвинение его в чем-то неблаговидном разошлось «по Руси по родной». Суть его личности раскрывается в отношении к этому единственному обстоятельству. Зная о клевете, он мужественно утешает свое сердце:

Не тужи! Как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словцом.

И именно за этим утешением встает облик человека несколько иронического, но благородного и прямого.

Заметим, кстати, что аналогичная ситуация включалась Некрасовым в стихи неоднократно. Так, в «Посвящении», открывающем текст поэмы «Мороз, Красный нос», речь идет о поэте, который знал клевету («Я умел не бояться клевет, Не был ими я сам озабочен»), но ни при каких обстоятельствах не поддавался ей.

Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко.

«Верил глубоко», можно думать, в идеалы, в добро, в людей вообще и в людей труда.

С этим сложным и в то же время приближенным к пониманию любого читателя образом сердца поэта связано, очевидно, толкование вспомогательного мотива и образа крови, коренящееся в народном миропонимании, но и по-особому развернутое самим художником. В элегии «Умру я скоро. Жалкое наследство...» (1867) каждый из рефренов начинался строкой: «За каплю крови, общую с народом...» К примеру: «За каплю крови общую с народом, И малый труд в заслугу мне сочти!» В другом, тоже позднем стихотворении («Угомонись, моя муз задорная...», 1876) образ конкретизировался:

Верь, что во мне необытно безмерная
Крылась к пароду любовь
И что застынет во мне теперь верная,
Чистая, русская кровь.

Этот вспомогательный образ у сложившегося, даже уходящего из жизни писателя включался в сферу притяжения Музы. Его «русская» Муза оказывалась «бледной, в крови, Кнутом иссеченной». В таком контексте особый смысл обретали определения желанного союза «честных сердец» и поэта: «Живой, кровный союз» («О Муза! я у двери гроба!..», 1877).

Интересно, что в группе этих стихотворений рядом с образом «верной», к миру направленной «Чистой, русской крови» оказываются «к народу любовь», «родина милая», «век, тревожно прожитый», Муза и творчество, душа поэта, его смятенностъ, его подчас колеблющийся шаг.

Итак, «благородное сердце» волею писателя стало устремленным к миру. Попытки художнически открыть результат такого устремления осуществлялись Некрасовым, как видно из выше приведенного, в произведениях разных жанров, среди них – в поэмах. «Рыцарь на час», строго говоря, – фрагмент из поэмы. Обращенные к сестре строки в «Морозе, Красном носе» – тоже фрагмент из поэмы. Однако опыты такого рода начинались раньше, когда, в частности, создавалась «Тишина».

Мотив и образ сердца были в невключенном автором в собрание его стихотворений фрагменте произведения «Тишина» («Но Русь цела, но Русь тверда...»). Охваченный стремлением

показать силу отчизны как государства, Некрасов заботился о том, чтобы приблизить высокое к разным категориям читателей, сделать это для них доступным. Поэтому рядом оказались два понятных самым широким массам читателей образа – могучего леса и вещего сердца:

Как сильно буря не тревожит,
Вершины вековых древес,
Она ни долу не положит,
Ни даже раскачать не может
До корня заповедный лес.
Не угадать, что знаменует
Твоя немая тишина,
Но *сердце веющее ликует*
И умиляется до дна...
(II, 461)

Впрочем, этот образ важен для всей поэмы. В ее основном тексте призывное обращение приобщиться к народному миру, народному труду и вере реализовалось с помощью традиционных для мировосприятия тружеников понятий и соответственно – образов:

Сюда, *народ*, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя *приносил* –
И облегченный *уходил!*
Войди! *Христос* наложит руки
И снимет волею *святой*
С души оковы, с сердца муки
И язвы с *совести больной* ...

Здесь образ сердца входит в определенный ряд: я (лирический герой) – Русь – народ – его вера («Христос», «воля святая») – душа – сердце – «совесть больная». Благородство как суть этого образа соотнесено с изображением мира в весьма важных признаках последнего. решений в поэмах, по проблематике, по видовым свойствам, по времени создания более близких, чем «Тишина» или «Несчастные», к «Кому на Руси жить хорошо». В поэме «Мороз, Красный нос» емкий образ сердца – и сердца поэта, и сердца думающего интеллигента вообще – включен в текст одного из

авторских отступлений. Он оказывается основанием связи между страдающей крестьянкой и человеком из интеллигентской среды-

Но мне ты их скажешь, *мой друг!*
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся – *воплощенный испуг*,
Ты вся – *вековая истома!*
Тот *сердца* в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

Продолжая раскрывать эту нетрадиционную для литературы, но устойчивую для него, восходящую и к его подлинному гуманизму и к обдуманной социальной позиции сцепленность образов: крестьянка – «мой друг» – «воплощенный испуг» – «вековая истома» – сердце – слезы (над крестьянкой), Некрасов еще одно углубление осуществит во второй части поэмы, где эта цепочка укрепляется образами «бедной крестьянской души» –«великого горя» – «вольных птиц» – народа:

И много ли струн оборвалось
У *бедной крестьянской души*,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глухи.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали *вольные птицы*,
Но выдать не смели в народ...

Характеристика такого рода связей и сцепленностей существенна для раскрытия устойчивости интереса поэта к внутренней жизни народа, его «святая святых», но в безусловном взаимодействии с объективным миром. И вместе с тем она может дать дополнительные аргументы для определения жанровых свойств произведения (слияния эпического и лирического начал, а не преобладания одного из них). Думается, такого рода связями и сцеплениями⁵ обеспечивается и то, что лежащим в основе фабульного действия семейным узлом не отодвигается, не теснится широкий мир.

⁵ Сказанное не исключает случаи и более узкого, можно сказать, ситуацией определенного создания образа: «И что на душе накипело, Из уст полился рекой» или: «Ни звука! Душа умирает Для скорби, для страсти» (П, 174, 198).

Раздел Ш

НАУЧНЫЙ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЛЕДИЯ Л. А. РОЗАНОВЫЙ

М. А. Миловзорова

Ивановский государственный университет

Л. А. РОЗАНОВА – УЧЁНЫЙ И УЧИТЕЛЬ: ПРОСТРАНСТВО МЕТОДА

Следуя законам жанра и интонации *memories*, хочу сказать, что Людмила Анатольевна Розанова была моим главным Учителем, влияние которого на мою жизнь, мои труды и устремления невозможно переоценить. Я не могу представить себе большую степень интеллектуальной и творческой свободы, чем та, которую давала своим ученикам Людмила Анатольевна, и большей веры в способность каждого достичь своей вершины.

Почему так? Мне кажется, что лучшие учителя – это большие ученые. В связи с этим я считаю возможным и необходимым поставить вопрос о методе – методе научного мышления и методе научной работы Людмилы Анатольевны, поскольку именно они определяют историческую роль Учёного и Учителя.

Не секрет, что сегодня российская гуманитарная наука в целом и филология, в частности, испытывают недостаток и новых теоретических идей, и новых методов филологического анализа (или продуктивного развития идей и методов, освоенных в последней четверти XIX века). Даже если не углубляться в исторические, политические, экономические и культурные причины этой ситуации – ясно, что её следствие – очевидные проблемы в существовании и развитии научных школ («гнёзд», как сказали бы сто лет назад), которые определяют лицо любого университета. Здесь хотелось бы поразмышлять о том, какое значение имела деятельность Л. А. Розановой – как учёного и учителя для того, чтобы такая школа («гнездо») могла сложиться и, может быть, в какой-то момент обрела контуры.

Мне кажется, что у Л. А., как у чрезвычайно продуктивного исследователя на протяжении всех лет ее научной работы не только формировался уникальный осознанный подход к анализу разнообразных феноменов литературного процесса середины – второй половины XIX века, но и то, что для этого подхода также

характерно непрерывное развитие, которое привело к таким уникальным результатам последнего десятилетия её жизни, как книга «Шуйские родники» [8] и неизданная книга о Д. Н. Семеновском.

В чём суть этого научного подхода или метода? Хочется скорректировать представление о Людмиле Анатольевне, как о淑губо «советском литературоведе», сформировавшемся в границах «марксистского» инварианта социологического метода – к таким оценкам иногда подталкивали персоналии, темы, сюжеты её исследований. Однако, если оставить в стороне политические или идеологические моменты, которые в зависимости от исторической ситуации абсолютизируются или игнорируются – то можно увидеть, как от первой большой научной работы [5], к известным комментариям к поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо...» [4] и дальше – к поздним статьям и книгам – усиливается, если так можно сказать, «центробежная сила» её научного творчества, когда фокус внимания периодически смешается с главной фигуры (Некрасов, Островский) на явления, как было принято обозначать, «второго и третьего рядов», придавая практически каждому литературоведческому высказыванию Л. А. характер широкого полотна, охватывающего литературный процесс в целом. И закономерно – именно такой вектор движения научной мысли приводит к осознанию беспрецедентного значения «периферии» для изучения содержательной специфики «центра». Говоря другими словами – интерес Людмилы Анатольевны к различным локальным феноменам – от демократической поэзии последней трети XIX века в целом [7] до забытых или неизвестных имен и фактов региональной литературы [6; 9] – свидетельствует не о скромности масштаба исследователя, а наоборот – глубоком понимании всех нитей и «узлов», благодаря которым существует плотная «ткань» литературного процесса.

Думается, что истоки такого подхода к научным изысканиям – в ленинградской филологической школе, которая сформировала Л. А. Розанову как исследователя.

Считается давно раскрытым вопрос о профессиональных и дружеских отношениях, которые на протяжении практически всей жизни связывали Л. А. Розанову и её «неформального» учителя, наставника Д. Е. Максимова [12; 2], хотя в единственной не авторубликации на эту тему вопрос о преемственности и развитии

научного метода не ставился и сама Людмила Анатольевна решала, в основном, другие задачи, публикуя письма Д. Е. Максимова. Сегодня мы можем расширить поле осмысления этой духовной и интеллектуальной связи, для того чтобы в чём-то иначе расставить акценты в оценках научного метода Л. А. Розановой.

По умолчанию, в литературоведении XX века принято выделять московскую и ленинградскую школы, хотя нельзя сказать, что принципы как первой, так и второй часто становились объектом научных рефлексий; среди крайне редких публикаций можно назвать публикацию С. Г. Шишкиной, о методологии изучения зарубежной литературы [13], статью К. С. Корнокосенко об М. П. Алексееве [1]. Если говорить о ленинградской филологической школе в целом, сформировавшейся в 1920-е годы, её вдохновителях и формирователях (М. П. Алексеев, Б. Г. Реизов и др.), то, наверное, её главными особенностями можно назвать внимание к разнообразным контекстам, изучение восприятия литературных произведений, детализация исторической и культурной детерминации литературного процесса, внимание к авторам любого масштаба, изучение взаимосвязей внутри литературного поля. В рамках методологии этой школы создавались и литературоведческие работы Д. Е. Максимова о символистах, Брюсове, Блоке, Лермонтове.

Именно эти принципы усвоила и развивала в своем научном творчестве Людмила Анатольевна Розанова, двигаясь в глубину нераскрытий пластов литературы и культуры, усложняя и делая максимально объемным представление о развитии литературы в культурно-историческом контексте.

Особенно убедительно свидетельствуют об этом публикации Л. А. Розановой последнего десятилетия её жизни, в основном, в сборниках «Щельковских чтений», неизменным участником которых долгое время была Людмила Анатольевна. Приведём здесь лишь заголовки некоторых публикаций, позволяющие делать выводы о направленности литературоведческой мысли исследователя: «Снегурочка» АНО и аналогичный ряд художественных произведений 19 века» (2002 г.), «Еще не прочитанный АНО в движении культуры Верхневолжья» (2003 г.), «Европа и европейцы, их нравы, порядки, образ жизни в восприятии Островского – путешественника» (2005 г.), «Фантастический рассказ персонажа в тексте некоторых драматических произведений АНО» (2007 г.).

И конечно – книга «Шуйские родники», о которой шла речь выше. Эта книга – абсолютно уникальное исследование, созданное на стыке филологии и культурологии, литературного краеведения и регионаведения, культурной истории страны и «микроистории». Мы с коллегой имели честь рецензировать эту книгу и представлять ее научному сообществу [3]. Не повторяясь, хочу сказать, что метод исследования «гения места», «духа места», определяемого Людмилой Анатольевной как «литературная Шуя» в нескольких разделах синонимичной понятию «читающая Шуя», составляющий основу этой книги, вполне сопоставим с исследованиями истории и культуры знаменитой французской Школы «Анналов».

Многолетний интерес Л. А. Розановой к творчеству Д. Н. Семеновского, который можно проследить по ряду публикаций [10; 11] и, к сожалению, не зафиксированный в финальной обобщающей книге – созданной, но до настоящего времени не изданной – еще одно яркое свидетельство того, какие «золотые плоды» может принести научный метод, если он определяет судьбу исследователя.

И, завершая это небольшое размышление, скажу еще несколько слов о Людмиле Анатольевне Розановой как Учителе. Слушателям своего спецсеминара она также открывала чрезвычайно широкий контекст любого литературного явления, можно даже сказать, что именно контекст или, лучше сказать, широкий поток «литературных фактов» (в полном соответствии с методологией Ю. Н. Тынянова) чаще всего становился предметом её научной рефлексии. Именно поэтому для её учеников практически не было ограничений в выборе материала для собственных литературоведческих штудий. И именно это позволяло им (всем нам) чувствовать интеллектуальное единство и друг с другом, и с Учителем. Метод определял общую культуру научного мышления, стратегии научного поиска, перспективы личного развития – собственно, это и должно составлять основу научного «гнезда», принадлежность к которому, хочется верить, и сегодня является характерной чертой учеников Людмилы Анатольевны.

Список использованной литературы

1. Корнокосенко К. С. М. П. Алексеев и Ленинградско-Петербургская школа сравнительного литературоведения // Сравнительно и сравнительном литературоведении: транснациональная история компаративизма. Коллективная монография. М.: ИМЛИ РАН, 2013. С. 259–278.
2. Письма Д. Е. Максимова к Л. А. Розановой / публ., вступ. статья и комментарии Л. А. Розановой. // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников: к 100-летию со дня рождения. М., 2007. С. 372–398.
3. Миловзорова М. А, Раскатова Е. М. Гений места (О новой книге Л. А. Розановой «Шуйские родники») // Интеллигенция и мир. 2007. № 4. С. 109–115.
4. Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Комментарии /Л.: Просвещение, 320 с.
5. Розанова Л. А. Историко-революционные поэмы Н. А. Некрасова (“Дедушка”, “Русские женщины”): дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Розанова; науч. рук. В. А. Десницкий; Ленингр. гос. пед. ин-т им. А. И. Герцена, 1952. 434 с.
6. Розанова Л. А. Забытый поэт некрасовской школы С.Ф. Рыскин: (Проблематика и поэтика) / Л. А. Розанова. Статьи о русской и зарубежной литературе: Ученые записки. Т. 37. 1966. С. 131–166.
7. Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и демократическая поэзия последней трети XIX – начала XX века: дис. ... д-ра филол. наук / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит (Пушкин. дом). Л.: [Институт русской литературы (Пушкинский дом)], 1974. 460 с.
8. Розанова Л. А. Шуйские родники. Шуя, 2007. 277 с.
9. Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1973. 224 с.
10. Розанова Л. А. Лирический цикл Д. Н. Семеновского «Народные художники» // Малые жанры: теория и история: сборник научных статей. Иваново, 2007. С. 117–132.
11. Розанова Л. А. «Церковные стихи» Д. Н. Семеновского и потаенный сборник «Умиление» // Потаенная литература: Исследования и материалы. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2000. С. 38–67.
12. Таганов Л. Н. Л. А. Розанова глазами Д. Е. Максимова // Жизнь, отданная филологии: памяти Л. А. Розановой: сб. воспоминаний и науч. ст. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. Вып. 2. С. 10–17.
13. Шишкина С. Г. Ленинградская литературоведческая школа: некоторые принципы и традиции. URL: <https://www.isuct.ru/conf/shcherba/trud/shishkina.htm?ysclid=mcstuoap7p252484046>

О. А. Павловская

Ивановский государственный университет

**КНИГА ДЛЯ УЧИТЕЛЯ
В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
НАСЛЕДИИ Л. А. РОЗАНОВОЙ**

Научное монографическое наследие Л. А. Розановой было весьма разноплановым, в том числе в жанровом отношении: «А. Н. Островский. Биография: пособие для учащихся [1]; «Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий [3] и др. Появление книги для учителя среди литературоведческих трудов Л. А. Розановой было отнюдь не случайно. Известно, как Л. А. Розанова дорожила связями с учителями-словесниками, и не только потому, что они были ее учениками. Она трепетно следила за их результатами, живо интересовалась успехами коллег, щедро делилась со студентами их методическими находками... Педагогическая деятельность всегда была важнейшей частью жизни профессора Л. А. Розановой. И конечно, как литературовед, Розанова определяла своего читателя и в сфере преподавания литературы.

Книга Л. А. Розановой «О творчестве Н. А. Некрасова» [2] является уникальной в том смысле, что изучение художественного наследия поэта – как всегда концептуальное, очень вдумчивое, блестяще аргументированное – адресовано учителю. В книге для учителя скрупулезная литературоведческая работа с текстами, с затекстовыми материалами становится основой для методических идей, методика литературоведческого анализа словно подталкивает к осмыслиению технологий преподавания творчества такого сложного поэта, как Н. А. Некрасов.

Высокий научно-методический уровень этой работы Л. А. Розановой проявляется и в четкой структурированности целого, и в продуманности отдельных глав. Книга начинается со статьи от автора, в которой обозначаются важнейшие в образовательной деятельности векторы, которые определяют методический пафос данной работы: формирование «гармонично развитой, общественно активной личности», наделенной духовным богатством, моральной чистотой. В связи с этим обращено серьезное внимание на роль учителя

в совершенствовании системы народного образования, в осуществлении реформы школы» [2; 4]. Книга «О творчестве Некрасова» появилась в перестроечное время, и для автора Некрасов – ориентир в общественно-духовных исканиях эпохи: «В этих условиях важен высокий пример неустанного осуществления Николаем Алексеевичем Некрасовым «великого дела Любви» [2; 4].

В концепции Л. А. Розановой, Некрасов – поэт нового типа, активный участник и координатор широкого процесса демократизации русской литературы, благодаря которому в литературное творчество были вовлечены сферы живой действительности, новые герои, прежде всего из народной среды. Творчество Некрасова интерпретируется сквозь призму активной гражданской позиции, что и становится ключевым для Розановой в плане актуализации места художественного наследия поэта в школьном курсе литературы: в поэзии Некрасова воплощены высокие воспитательные образцы гражданственности, патриотизма, мужества. Но важно и другое. Книга конца 1980-годов перерастает рамки социологического подхода в некрасововедении. Розанова исследует сердцевинные для русского поэта темы и образы – «души народа русского», «сердца народного», совести, пути как духовных исканий, материнства и др., благодаря чему и формируется более полное и глубокое представление о личности поэта, так необходимое в современной школе. Более того, на страницах книги актуализируются такие слои творческого наследия поэта, которые выводят на формирование национальной памяти, как важнейшего компонента современного образования.

Книга для учителя Л. А. Розановой характеризуется «учительным» пафосом, что, конечно, соответствует и жанровым установкам. Однако «учительность» возникает из органического единства содержания – творчество Некрасова – и формообразующей направленности научной работы. Последняя глава книги посвящена поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», в частности исследованию ее книгообразующих факторов. В основе концепции «книги для народа и для всей России», как интерпретирует жанр «Кому на Руси жить хорошо» Л. А. Розанова, лежит идея «умной книги», неоднократно выраженная сюжетными историями разных героев – Ермилы Гирина, Якума Нагого, Гриши Добросклонова. демонстрирующих принцип деятельности добра, служения народу. Это книга, в которой так

нуждается «душа народная» («такая почва добрая – душа народа русского»). Следовательно, научно-методические принципы, определяющие жанровую форму книги для учителя, во многом вырастают из Некрасовского видения и понимания воспитательной функции книги. Объемные аналитические рассуждения Л. А. Розановой об этом на примере поэмы «Кому на Руси жить хорошо» расширяют представление об «учительном» (воспитательном) характере творчества Некрасова в целом.

Отличительной особенностью книги Л. А. Розановой является опора не только программные произведения Н. А. Некрасова, как требует избранный жанр, но и интенсивное погружение педагога в широкий контекст творчества поэта, а также его современников и последователей. Основные мотивы и образы поэзии Некрасова приобретают декларативный характер, важный для дальнейшего развития русской литературы. Благодаря такому подходу происходит универсализация принципов книгообразования в литературном процессе. Широкий литературный контекст, привлекаемый Л. А. Розановой для осмыслиния творчества Некрасова, придает и книге для учителя энциклопедичность, расширяет ее научно-познавательную, методическую, просветительскую значимость.

Книга «О творчестве Некрасова» позволяет понять педагогический склад мыслей Л. А. Розановой, почувствовать ее манеру (к примеру, неспешность изложения, проявляющаяся в использовании широких синонимических конструкций), исследовательскую убежденность в необходимости просветительской деятельности, веру в воспитательную силу художественного слова и русской поэзии.

Книга для учителя, созданная в конце 1980-х годов, не утрастила своего значения и сегодня, более того, многие аспекты в изучении творчества Некрасова приобретают остроту звучания именно в современных общественно-политических условиях.

Список использованной литературы

1. Розанова Л. А. А. Н Островский. Биография: пособие для учащихся. М.: Просвещение, 1965. 138 с.
2. Розанова Л. А. О творчестве Н. А. Некрасова: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1988. 239 с.
3. Розанова Л. А. Поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: Комментарий. Л.: Просвещение 1970. 320 с.

П. М. Тамаев

Ивановский государственный университет

**О «РУССКОМ ВОЗЗРЕНИИ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СЛОВЕСНОСТИ
СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА**

Климат, образ правления, вера
дают каждому народу особенную
физиономию, которая более или
менее отражается в зеркале поэзии.

A. С. Пушкин

Середина XIX века (1850–1870-е годы) как период в истории отечественной словесности имеет свои отличительные особенности. Это – пора средолетия, полной возмужалости, обретения самое себя. Характерным для данного времени было открытое исповедание твердой веры в силу и мощь народного духа, а также любовь к народу, и руководящая всеми мыслями и действиями писателей, мыслителей, критиков, и определяющая их творчество. Именно «вера и любовь» явились основными источниками духовного опыта, что и обусловило искания и чаяния отечественных мыслителей и их понимание национального содержания искусства и его форм.

Примечательным явлением времени стал журнал «Русская беседа» (1856–1860), который долгое время находился на периферии отечественной филологии, однако благодаря разысканиям сотрудников Пушкинского Дома (ИРЛИ) была воссоздана полная картина литературной жизни этого периодического издания¹. Русская мысль здесь обратилась к своим начаткам. Ключевые идеи, философско-филологические концепты, да и вся его литературная продукция, определялись А. С. Хомяковым и братьями Аксаковыми (с 1858 года И. С. Аксаков стал фактическим редактором

© Тамаев П. М., 2025

¹ «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: изд-во «Пушкинский Дом», 2011.

журнала). Ими были сформулированы ведущие идеологемы словесной политики издания. На обложке «Русской беседы» стоял эпиграф, взятый из окружного послания патриарха Гермогена: «Помяните одно: только кореню основание крепко, то и древо неподвижно; только кореня не будет, к чему прилепиться?» Первая книжка (апрель 1856 года) открывалась предисловием, автором которого был Хомяков: «“Беседа” определяет своё значение самым именем своим. Простая, искренняя, непрятязательная русская беседа обо всём, что касается просвещения и умственной жизни людей. Но как исчислить формы человеческой беседы? Критика, рассуждение, исторический рассказ, повесть, стихи – всё входит в её состав. Разумеется, будут в издании отделы; но тебе случалось не раз, любезный читатель, проводить с друзьями вечера, на которых не было рассказано ни одного анекдота, не пропето ни одной песенки, и всё-таки вечера оставляли в тебе приятные и добрые впечатления, и ты не роптал, а был доволен. Приложи же это правило к нашей “Беседе”, и если какого отдела не найдёшь, скажи себе, что, видно, не было на этот раз анекдотического или стихотворного вдохновения, и поставь: не имеется, как ставят в грамматиках, когда какой-нибудь формы недостаёт в глаголе. Слово: не имеется, право, лучше пошлой повести и плохого стиха». А дальше Хомяков определял темы имеющие отношение к этим важным предметам. Темы эти, по его разумению, непременно предполагали спор, без которого никакая беседа «жива быть не может». Он писал о том, что ныне «наступает время критики», а в это время пора, наконец, задуматься о «тайне русского духа», который «создал самую русскую землю в бесконечном её объёме», который «утвердил навсегда мирскую общину, лучшую форму общежительности», который «понял святость семьи» и «выработал в народе все его нравственные силы», но который в то же время ходом истории оказался поставлен в «самоуничижение перед мыслию иноземною». Хомяков провозглашал особенную значимость «вопросов нравственных», противостоящих «пустодушно европейского просвещения», и настаивал на том, что в возникающем споре надлежит чаще «ставить новые, ещё не разрешённые вопросы, в полной уверенности, что вопросы не разрешённые далеко не бесполезны», и не обещал при этом «ни безошибочности, ни всезнания» [19, I–Ш].

Развитием тезисов напутственного слова А. С. Хомякова является критическая трилогия К. С. Аксакова («О русском воззрении» // Русская беседа, 1856. Кн. 1), «Еще несколько слов о русском воззрении» // Русская беседа, 1856. Кн. 2), «Обозрение современной литературы» // Русская беседа, 1857. Кн. 5). Оба мыслителя убеждены в мысли, что «деятельность народа, как и деятельность человека, должна быть *самостоятельна* <...> под русским воззрением разумеется *самостоятельное воззрение русского народа*» (курсив Аксакова. – П. Т.) [2; 197–198].

Идея, концепт «русское воззрение» или «русская художественная школа» возникает в программных статьях А. С. Хомякова. Впервые философские и эстетические начала национальной культуры им были изложены в работе 1847 года «О возможности русской художественной школы» («Московский литературный и ученый сборник на 1847 год». М., 1847), основная мысль которой заключается в идеи возращения русского человека, писателя, художника к самому себе. Эта мысль получает свое воплощение в работах русских мыслителей середины века. По образному суждению К. С. Аксакова в них слышится голос «не одного человека, а нескольких, общий голос; это хор...» [2; 167]. Завершается период 1850–1870-х годов публикацией знаковой книги Н. Н. Страхова «Заметки о Пушкине» (1874), а также обстоятельной биографией И. С. Аксаков «Ф. И. Тютчев» (1874) и его «Речью о А. С. Пушкине» (1880). В этих историко-литературных работах сформулирована мысль о нашей зрелости, том, что «творчеству русского духа возвращена свобода и полноправность. Поэтическое откровение определило работу нашего народного самосознания» [1; 268].

Однако вопрос о родовых чертах отечественной словесности манифестах середины XIX столетия требует некоторого пояснения: мы имеем в виду философско-эстетические размышления А. С. Пушкина. Речь идет о его критической прозе: «Некоторые исторические замечания», «О народности литературы», «О народном воспитании», «Письмо издателю “Московского вестника”», «О втором томе “Истории русского народа” Полевого», «Путешествие из Москвы в Петербург», «О ничтожестве русской литературы», «Александр Радищев». Судьба историко-критических трудов Пушкина такова, что написанные в 1830-е годы, они увидели свет в середине века и оказались созвучными философско-

эстетическим исканиям этой поры, когда шло осмысление нашего культурно-исторического типа. Приведённое в эпиграфе суждение А. С. Пушкина, высказанное в одном из его «русских» текстов («О народности литературы»), рассматривается чаще всего в контексте времени (рубеж 20–30-х годов XIX века), когда всё развитие нашего ума требовало самопознания, а наша словесность определяла свою национальную эстетику, освобождаясь от подражания и универсальных классических поэтик. Однако мысль поэта не носит локально-временного значения, а имеет историческую и философско-эстетическую перспективу. Пушкин точно обозначил фундаментальные основы русской земли, то есть территории, народа, государства, ее судеб, миросозерцания, культуры, эстетики. В своих «русских» текстах (критических статьях и заметках 1830-х годов) поэт выскажет мысль, которая станет ведущей в этих материалах: европейская философия и эстетика (французская) иска-жают взгляд русского художника. В трагедии «Борис Годунов» он отказывается от выгод, представляемых «системою искусства», поэтому и «не изобретает» характер Пимена. В нём поэт «собрал черты», которые он нашёл «в наших старых летописях: простодушие, умильительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной ему Богом, совершенное отсутствие сущности, пристрастия – дышат в сих драгоценных памятниках...» [13; 53].

В смысловую орбиту, заданную Пушкиным, попадают статьи И. В. Киреевского, В. И. Даля, Н. В. Гоголя, А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, А. А. Григорьева, а также работы русских филологов, представителей академических школ, А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева. Все вместе взятые, они и составят своеобразный исторический, философско-эстетический и филологический манифест русской художественной школы. Центральными напряжёнными вопросами для каждого мыслителя станут проблемы миросозерцания русского художника, своеобразия духовно-творческого акта («художества»), предмета, или по уточнению И. А. Ильина, «укорененья в субстанции, а не в своей личной выдумке» [7; 324], лиризма, слова, особых форм произведения.

Понятие русская художественная школа в представлениях русских мыслителей, художников наполнено многообразным содержанием и смыслом. Диапазон его значений довольно широк:

оно может выступать как аналог всеобъемлющего концепта *наи*, близкий тому, что называют словами семья, общество, государство, земля, а также включающий в себя ментальность, то есть мировоззрение, которое проявляется в категориях и нормах родного языка, соединяющее в себе духовные, интеллектуальные и волевые качества национального характера.

Провидением и всем ходом истории русский народ был отодвинут на северо-восток. Резкий разрыв средних температур, летних и зимних, в несколько десятков единиц, ледяные ветра, метели, и, как следствие, тяжёлые условия земледелия на бедных и опять-таки тяжёлых землях создали для нашего человека «суро-вую школу стойкости» [8; 165]. Противостояние постоянному внешнему натиску и жизнь под иноземным гнётом поднимали природную стойкость до христианского долготерпения: «Это была школа религиозного самоуглубления, метафизической сосредоточенности, духовной стойкости, национальной собранности» (курсив И. И. – П. Т.) [8; 165]. В ней человек обретал силы, чтобы не впасть в отчаяние, не терять духа, чтобы подняться с именем Спасителя, Богородицы в сердце и слове. Образы и образцы национальной собранности выразились в произведениях древней литературы: страстотерпцы Борис и Глеб, храбрый Мстислав, князь Игорь, испившее смертную чашу «узорочье рязанское» восстают с помощью Христа и Матери Божией. В новой литературе многие произведения звучат так же, как молитва и национальное исповедание: «Рыцарь на час» Н. А. Некрасова, «Я задремал, главу по-нуря» А. К. Толстого, «Накануне годовщины 4 августа 1864 г.», Ф. И. Тютчева; строки А. Н. Майкова: «Не говори, что нет спасенья, / Что ты в печалих изнемог: / Чем ночь темней, тем ярче звёзды, / Чем глубже скорбь, тем ближе бог...» [11; 281].

Однако тип русского художника, каким он предстал в русской средневековой культуре, оказался удивительно живучим. А. С. Хомяков так рисует внешние и внутренние черты своего современника, художника А. Иванова: «...северный аскет, который ушёл в задуманное создание, как в пустыню, и там служил искусству силою духа» [18; III, 360]. В некрологической похвале, завершающей статью о С. Т. Аксакове, опять возникает знакомый облик русского книжника: «Вы слышите речь старца много пережившего, вы видите, что волнение его улеглось, и что мысль

и чувство лежат перед вами со своею полною прозрачностью, не возмущая очерка предметов, но облекая их каким-то чудным светом...» [18; III, 374]. В представленном словесном портрете угадываются и Владимир Мономах, и пушкинские Пимен и автор «семейственных записок» Гринёв.

В отечественной словесности, искусстве, философии середины XIX века идеологическое и диалогическое напряжение не снижается, а может быть, приобретает ещё больший накал. Если средневековая русская мысль испытывала мощное давление извне, то теперь наступает пора внутренних сшибок, что было громко заявлено в стихотворных посланиях Н. М. Языкова 1840-х годов: «И. Аксакову», «Н. В. Гоголю», «А. С. Хомякову», и особенно в стихотворении «К ненашим». Противостояние двух направлений русского образованного общества достигает предела. В. А. Кошелев раскрывает суть религиозно-идеологического противостояния в стане русских дворян, обратив внимание на то, какую роль сыграли стихотворения Языкова в состоявшемся споре «наших-ненаших», отметив их прямоту, открытость и экспрессивность. При этом исследователь раскрывает значение второй части оппозиции. В словаре Даля: «Ненаш» – «нечистый, недруг, лукавый, бес». «Следовательно, – продолжает Кошелев, – это стихотворение прямо соотносится с другим названием “Бесы”» [10, 332], по-видимому, пушкинским произведением.

Начиная с 1830-х годов и вплоть до 1870-х, пожалуй, основными концептами русской мысли и словесности, стали *наши*, *наша*, *наше*, *наши* и *русская художественная школа*. Почему притягательное местоимение «наш», оказался востребованным и наиболее употребительным для выражения русской ментальности? Ответ содержится в семантике этого слова. В словаре Даля статья с заголовочным словом *наши* значительна по объёму: «наш <...> нам принадлежащий, собина наша; к нам относящийся; нам свойственный, сродный; близкий тому, что на сей раз называем мы: семье, обществу, государству» [6; 500].

Как замечает исследовательница славянской азбуки Л. А. Савельева, это буквенное имя входит в следующий смысловой ряд: земля, люди, мыслите, *наши*, он, покой. Она считает, что первоучитель Кирилл создал не просто азбуку, то есть определённое количество букв и их начертани, но придал каждой

сакральный смысл, которое ещё более усиливается в составе напутного слова, созданного из буквенных имён. В нём приведенный ряд предстает в форме стиха и читается как «глобальная анти-теза *земля* (как мир материальный, живущий, изменяемый) – *он*, *покой* (как мир идеальный, потусторонний вечный). Эти полюсы макрокосма, в котором пребывает человеческая личность, призваны сформировать в ней чувство мироздания как основу нравственного выбора» [16; 22–232]. Высказанная мысль вполне может быть проиллюстрирована молитвою «Отче наш», дарованной людям Спасителем, в которой в концентрированном виде представлен Универсум, а слово «наш» обозначает Церковь как единство многочисленных членов в живом теле Христовом. Благодатное время утвердил в русской земле равноапостольный Владимир: «Похвалим же и мы по силе *нашии* <...> *нашего* учителя <...> кагана *нашии* земли <...> вся земля *наша* въслави Христа. Тогда начат мрак идольски от нас отходити <...> и слово евангельское землю *нашу* осия» [17; 591–592]. Русская картина мира предстает в подобном стиле и в «Поучениях» преподобного Серапиона Владимира, размышляющего о причинах бед и наказаний, обрушившихся на Русскую землю, источник которых заключён в отступлении от заповедей «человеколюбивого бога *нашего*». В этом тексте поражает частотность употребления лексемы «наш»; она входит в словесные формулы, обозначающие или высшие небесные силы, или предметы, явления и нестроения чад русской земли и церкви. «Велиchanье вознесе ум *наше*», «ненависть вселися в сердце *наша*», «*наша* безаконья», «злые обычаи *наша*» – всё это привело к тому, что «кровь и отец, и братия нашел, аки вода многа, землю напои; князи и наших воевод крепость ищезе; храбрии *наша* страха напольнился, бежаша; множайша же братия и чада наша в плен ведени быша; села наша лядиною поростоша, и величество наша смерися; красота наша погыбе»; «труд *наши* поганий наследованы; земля наша иноплеменником в Достояние бысть». Изжить эту трагедию возможно при одном условии – восстановить в себе веру: «Помяните честно написано в божественных книгах, еже самого владыки *нашего* болшая заповедь, еже любити друг друга, еже милость любити ко всякому человеку, еже любити ближнего своего аки себе» [12; 376–378].

Ощущение и осмысление Родины как некоего целого, то есть её истории, её духовной жизни, в новое время кажутся не менее важными, чем в средние века. Стремление выйти из настоящего порождает критический мотив и приводит русского человека в «философское самоопределение», что отразилось в знаменитом первом письме Чаадаева. Словесные формулы, в которых присутствует притяжательное местоимение *наши*, удивляют своей многочисленностью. Однако не в количественных показателях дело, не в критическом отношении философа к русскому образу жизни мысли, поведения, а в напряжённой рефлексии русского мыслителя и в том, как интеллектуальные, волевые качества национального характера отразились в категориях и нормах родного языка. И в каждом произведении концепт «наш» будет придавать микротекстам, да и всему тексту статьи, удивительную смысловую емкость. Например, И. В. Киреевский в «Обозрении русской словесности 1829 года» насыщает этой лексемой значимый для него фрагмент: «Нам необходима философия: всё развитие *нашего* ума требует её. Ею одною живет и дышит наша поэзия; она одна может дать душу и целость нашим младенствующим наукам <...> Философия немецкая вкорениться у нас не может. ***Наша*** философия должна развиться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта» [9; 68]. Заключая свою мысль, критик выделил курсивом концептуальное для него слово. Объясняется это, по-видимому, антитической природой статьи, а может быть и тем, что, уже тогда, будучи ещё прилежным учеником немцев, русский философ прозревал «филогенетическую глубину» данного слова: концепт ***наши*** намеренно выделялся автором в словарном составе статьи как отклик на предшествующий языковой опыт.

Усвоение чужих умственных богатств – лишь первый шаг на пути выработки и обнаружения своего, нашего поприща. Таков центральный тезис этого обозрения Киреевского, да и других его значимых работ. Тезис, который явится по существу и ведущим принципом его мышления, так как воскрешал историзм «новых людей», русского средневековья которые были убеждены, что ночь сменяется светом, а Закон уступит место Благодати. Эта мысль станет также определяющей в духовно-эстетическом цикле статей А. С. Хомякова 1850-х годов. Все они («Опера Глинки

“Жизнь за царя”», «О возможности русской художественной школы», «Предисловие к русским песням из собрания П. В. Киреевского», «Разговор в Подмосковной», «Картина Иванова Письмо к редактору “Русской беседы”», «Сергей Тимофеевич Аксаков») пронизаны общими мыслью и стремлением – постигнуть особенности национального «художества» и определить сущностные черты русского художника и его судьбы. В названном цикле работ не только заявлены «чаяния русской художественной школы», но и «смело выражены» принципы и особенности русского духовно-творческого акта. Понятие «школа» прописано в статьях Хомякова, но в ином, устоявшемся со времён Белинского, значении, когда литературное явление рассматривают в таком виде: учитель (гений) наиболее полно выражает новое в развитии литературы, этому новому он и даёт своё имя. По новому пути за гением идут обыкновенные таланты, они идеологически и художественно близки ему, испытывают влияние великого художника-первооткрывателя. Организующим началом группы писателей может служить то или иное издание, чаще всего журнал как идеально-эстетический центр, ядро литературной школы, направления.

Русское воззрение, русская художественная школа – это и пора роста, время развития национальной культуры, историко-культурного типа, как выражался Данилевский. Киреевский и Хомяков были убеждены, что нашим художникам необходимо усвоить европейское культурное богатство: нужно любовью обнять произведения всех школ, и сделаться свободным деятелем. Школа, по мысли славянофилов, – это и пора ученичества, и время созревания творца. Обретенная во время ученичества и становления свобода не делает художника автономным и абсолютно независимым, но свобода становится тогда свободой; когда она предстанет в виде тождества свободы и единства («свободы в единстве и единства в свободе»), когда художник получит значение живого органа в великом организме. Одним словом, по Хомякову, школа – синоним русского начала начал как совокупности основных положений, принципов.

Действительно, эстетические раздумья над судьбами отечественной словесности Киреевского, Хомякова, К. Аксакова отличаются системностью, стремлением уяснить суть поэзии, её место в культурном универсуме. Философский, шеллингианский метод

в их воззрениях начинает уступать место христианскому историзму. Он-то и позволил автору выразить «строгое и последовательное изложение начал» [18; VIII, 170], которые определяют наш образ жизни и бытия: «жизнь духа и дух жизни». Эту поэтическую формулу Хомякову предстояло выразить на ином языке, языке русской философии. Антиномическая природа статьи «О возможности русской художественной школы» свидетельствует, что разговор пойдет не о гении и обыкновенных талантах, не о первенстве повествовательного рода над поэтическим, не о стиле и жанрах, а о существенном, о национальном культурно-историческом: типе. Неслучайно достаточное место в этой, да и других статьях цикла занимают размышления о европейском (католическом и протестантском) и ветхозаветном образе жизни. Русский тип отличает *«полнота и цельность разума»*, *«животворные способности разума»*. Критик не приемлет *«одностороннего развития рассудка»*, составляющего *«характеристику нашего мнимого просвещения»*. Вопрос о русской художественной школе, художестве, художнике рассматривается Хомяковым в религиозно-философском плане, ядро этой школы составляет принцип самосознания, устремление в свой внутренний, духовный мир. *«Последовательное изложение начал»* предполагает утверждение необходимости такого же самопознания и для своего народа, точнее, философ-критик открывает национальное измерение своего собственного самосознания, без которого личность оказывается ущербной. Поэтому ключевыми формулами, возникающими в процессе этого стали: *«образ самосознающейся жизни»*, *«скрытый синтез, зависящий от внутренней жизни народа»*, *«живое сознание фактов»*, *«живая личность народа»*, *«духовное побуждение»*. Отсюда же проистекает убеждение в том, что каждый народ имеет свои художественные школы, ибо художество и творец – органическая часть его: *«Искусство не есть произведение одинокой личности и её эгоистической рассудочности <...> Художник не творит собственною своею силою: духовная сила творит в художнике.* Поэтому очевидно, что всякое художество должно быть и не может быть не народным. Оно цвет духа живого, восходящего до сознания...» [18; I, 73–100].

В рецензии на оперу Глинки, в некрологах-статьях об Иванове и Аксакове Хомяков размышляет о своеобразии русского искусства, его заветах, традициях, творческом национальном акте

и, наконец, о феномене русского художника. Русское создание состоялось, ибо выразило коллизии, много раз повторявшиеся в нашей истории. Скорбь и страдания борьбы, лежащие в основании русской оперы, национального мелоса, унаследованы от музыкального предания. В некрологических словах-статьях² («Картина Иванова. Письмо к редактору “Русской беседы”», «Сергей Тимофеевич Аксаков») Хомяков показывает процесс рождения русского художника, нахождения им своего верного, достойного Предмета, пребывания в нём и рождения стиля выражения его. «Странное явление», что шестидесятилетний человек становится почти в одночасье великим писателем. Объяснение этой метаморфозе нужно усматривать в последовательности выхода книг Аксакова-отца, но не в этом главное, а в предмете, в его видении и принципах изображения: «Он захотел вспомнить старые годы, прежние, тихие радости». В своих созданиях писатель «сохранил простоту и прямоту в отношении к предмету», поэтому «искусство даётся ему свободно <...> Оно приходило, как приходило к древним векам, тисканное, неосознанное. В этом-то и состоит неподражаемая искренность произведений первоначальной поэзии» [18, III, 370–374].

Удивительной ясности постижения феномена художника Иванова и его создания достигает Хомяков в письме-статье к Ивану Аксакову. Необычен Предмет его картины, что потребовало от художника «устранить всякий личный произвол». Более того, «высокой простоты» в выражении можно было добиться в том случае если создатель не станет «как видимое третье между предметом и его выражением». Цель была достигнута: явление Христа на полотне стало в духе Священного писания: «Спаситель поставлен на далеком плане. Иванов не впал в искушение выдвинуть Его вперед <...> Черты Спасителя остались сравнительно неопределенными: узнать Его можно только по общему характеру Его образа и по какой-то странно-знаменательной поступи, в которой видна несокрушимая сила кротости, смирения, идущего па подвиг

² Пожалуй, лишь славянофилы, как никто в отечественной словесности, отличались особым вниманием к судьбам «трудолюбцев, подвизавшихся на поприще русской словесности» (И. С. Аксаков), как феноменам национального бытия.

деятельности и терпения. Зато, как живо и естественно сделалось все движение переднего плана <...> Как наглядно выразилось значение мира ветхозаветного, радостно протягивавшего руки к грядущему, лучшему Завету, к далекому образу и, так сказать, иконе Христа» [18, III, 352–365]. Такой «результат» возникает не вдруг, а благодаря «нашей внутренней жизни», питаемой песнями, языком, семейным обычаем, но более всего Божиим храмом.

Духовно-эстетическое наследие Хомякова следует рассматривать не только сквозь призму славянофильской доктрины, как чаще всего делают исследователи, но как органическую часть философско-филологических исканий и усилий многих. В этом смысловом пространстве (такой контекст предлагается в нашей работе впервые) существуют и перекликаются тематически и словесно главы из духовного завещания Н. В. Гоголя: «О лиризме наших поэтов», «Предметы для лирического поэта в нынешнее время», «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем её особенность»; цикл статей В. И. Даля 1840–1860-х годов, представляющий собой опыт национального, народного самосознания³; статьи Ф. И. Буслаева о древней литературе и народной словесности, в которых ученый выявляет первооснову нашей словесности «верования и просветленные идеалы древней Руси» [3, 262]; программные статьи А. А. Григорьева. В них критик заявил, что разговор о русской школе должен вестись не в конкретно-историческом плане, не принимать вид позитивистско-просветительских раздумий о прогрессе в литературе. Необходимо переключить смысловые регистры в иной план – в сущностный. Требуется размышлять не о гоголевской школе, его последователях, проблематике и приемах этого направления, а необходимо постигать то, как художник видит мир и человека, «ибо ничто в такой степени не необходимо художнику, как миросозерцание» [5; 324]. Понятия «натуральная школа» и «миросозерцание художника» у Григорьева разведены, более того, они выступают антиподами.

³ Подробнее о цикле статей В. И. Даля см.: Тамаев П. М. Статьи В. И. Даля в контексте раздумий о народной словесности // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Филология. 2001. Вып. 1. С. 53–61.

Таким образом, раздумья Киреевского, Хомякова, Григорьева, братьев Аксаковых о русском воззрении, о русской художественной школе по своей природе онтологические; мыслителям важно было понять самый дух нашего творческого акта. Как писал поэт П. А. Вяземский: «Отыскивать себя в себе самом. / И быть не тем, во что нарядит случай, / Но чем могу и чем хочу я быть» [4, 339]. Этот путь открытия национального измерения самосознания станет преобладающим в русской религиозной философии, то есть в работах Н. Н. Страхова, П. Е. Астафьева, В. В. Розанова, И. А. Ильина. В. В. Розанов найдёт точные слова для выражения национального художественного пути русского народа и его творцов: «...при первом вступлении на историческое поприще каждый народ, как и всякий, вчера рождённый человек в своих скрытых духовных дарах носит определение своей судьбы. В течение долгого времени он смутно и безотчетно идёт правильным путём, руководимый этими дарами <...> Но настаёт время, когда он сходит с этих путей, и временные желания, придуманные цели становятся его руководителями. Он называет это время периодом пробуждения в себе сознания, пробуждения своей личности в истории. Однако он скоро познаёт, как недостаточны его силы на поддержании его на этих путях <...> Он догадывается, наконец, что было сознание великое и глубокое, которое вывело его на историческую сцену <...> Этот период и есть действительного сознания [15, 337–340].

Список использованной литературы

1. Аксаков И. С. Речь о А. С. Пушкине // И. С. Аксаков, К. С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 263–281.
2. Аксаков, К. С. Еще несколько слов о русском воззрении // И. С. Аксаков, К. С. Аксаков. Литературная критика. М.: Современник, 1981. С. 198–205.
3. Буслаев Ф. И. Повесть о Горе Зластии; Идеальные характеры Древней Руси. Русские духовные стихи // Буслаев Ф. И. О литературе: Исследования; Статьи. М.: Худож. лит. 1990. С. 164–262.
4. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд. 544 с.
5. Григорьев А. А. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. 646 с.

6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1979. Т. 2. 780 с.
7. *Ильин И. А.* Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 430 с.
8. *Ильин И. А.* Сущность и своеобразие русской культуры // Москва. 1996. № 3. С. 158–179.
9. *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 440 с.
- Серия: История эстетики в памятниках и документах.
10. *Кошелев В. А.* Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 512 с.
11. *Майков А. Н.* Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1984. Т. 1. 587 с.
12. Поучения преподобного Серапиона Владимира // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5. XIII век. С. 518–520.
13. *Пушкин А. С.* Письмо к издателю «Московского вестника» // Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 7. С. 51–54.
14. *Пушкин А. С.* Поли. собр. соч.: в 10 т. 4-е изд. Л.: Наука, 1978. Т. 7. 544 с.
15. *Розанов В. В.* Несовместимые контрасты жития. М.: Искусство, 1990. 609 с. Серия: История эстетики в памятниках и документах.
16. *Савельева Л. А.* Славянская азбука: дешифровка и интерпретация первого славянского поэтического текста // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XIX веков. Петрозаводск. 1994. С. 12–32.
17. Слово о Законе и Благодати // ПЛДР. XVII век. М.: Худож. Лит., 1994. Кн. 3. С. 583–620.
18. *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч.: в 8 т. М., 1900. Т. 3. С. 360. Далее статьи и письма Хомякова цитируются по этому изданию в тексте в скобках с указанием тома и страницы.
19. *Хомяков А. С.* Предисловие // Русская беседа. 1856. Кн. 1. С. I–VI.

Н. В. Капустин

Ивановский государственный университет

**«...НИ ГОРОД, НИ СЕЛО»:
ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ
ИВАНОВСКОГО ПРОСТРАНСТВА**

Наибольший интерес Л. А. Розановой вызывала русская литература XIX века, прежде всего Н. А. Некрасов и А. Н. Островский. Гораздо реже можно было услышать от нее что-либо о поэзии Серебряного века, его «башнях» и литературе XX столетия в целом. Исключения на моей памяти – Твардовский, Ахматова и два земляка: К. Д. Бальмонт и Д. Н. Семеновский. Ближе ей безусловно была демократическая ветвь русской литературы. Отсюда, среди прочего, серьезное внимание к писателям и поэтам, имена которых зачастую малоизвестны не только читателям, но и литературоведам. Среди этих авторов демократы-шестидесятники, поэты и беллетристы народники, поэтическая «школа» Некрасова, поэты-суриковцы и др. Их не отнесешь к вершинным явлениям русской литературы. Но интерес к ним случайностью не был. И дело не только в том, что Л. А. Розановой близки принципы культурно-исторического метода в литературоведении. Мне уже доводилось писать, что «деление культурных явлений, как и реальных людей, по шкале “значительное/незначительное”... было органически чуждо Людмиле Анатольевне, что однако, не исключало духовного аристократизма другого, как ни парадоксально прозвучит, демократического склада» [4, 31].

Устойчивым был и ее интерес к литературному краеведению, местным и в то же время крупнейшим русским писателям, так или иначе связанным с нашим краем, будь то уже названные Некрасов и Островский или Л. Н. Толстой. Именно ею в соавторстве с начинавшим тогда свой путь в литературоведении Л. Н. Тагановым (которого, по его признанию, она учила работать с источниками) впервые был обнародован и прокомментирован богатый материал о жизненных связях Льва Николаевича и Софьи

Андреевны Толстых с ивановским фабрикантом, меценатом Д. Г. Бурылиным и членами его семьи [10].

Прекрасно знала Л. А. Розанова и творчество местных авторов. И не только уже упомянутых Бальмонта и Семеновского, о которых немало писала. В течение длительного времени в Ивановском университете она читала курс «Литературное краеведение», материалы которого в значительной мере послужили подспорьем при создании композиции музея «Писатели Ивановского края», появившегося в Ивановском университете также не без ее активнейшего участия [6]. На каком-то этапе именно от Л. А. Розановой автор этих строк впервые услышал имена Ф. Д. Нефедова, В. А. Рязанцева, С. Ф. Рыскина, В. А. Дементьева, Н. М. Богомолова, подробнее узнал о живших некоторое время в Иванове Аполлинарии Сусловой, возлюбленной и прототипе многих героинь Ф. М. Достоевского, ее сестре Надежде, не чуждой (как, кстати, и сестра) писательству, отдавшей дань революционным устремлениям, но выбравшей в конце концов иную, сугубо мирную стезю: она стала первой женщиной-врачом в России (практикующим и одновременно имеющим учченую степень). Конечно, в наших разговорах заходила речь и о С. Г. Нечаеве, черты характера (неприятие инакомыслия, стремление к первенству) и некоторые обстоятельства жизни которого (убийство Нечаевым и его соратниками студента И. Иванова) были использованы Ф. М. Достоевским при создании образа Петра Верховенского из романа «Бесы».

Неслучайно именно Л. А. Розанова стала моим научным руководителем при написании кандидатской диссертации «Творчество Ф. Д. Нефедова в литературном процессе второй половины XIX века», защищенной в ЛГУ в 1985 году. Это не краеведческая работа, акцент в ней, в основном, был сделан на уточнении места Нефедова (через характеристику метода, жанров, в меньшей степени стиля) в литературном движении его времени. Но поскольку речь шла о нашем земляке (Нефедов родился в селе Иванове), естественно, что во время консультационных встреч высказывались мысли, одна из которых повторялась особенно часто. Основываясь прежде всего на текстах Нефедова, Л. А. Розанова не раз обращала внимание на отразившуюся в его очерках особенность ивановского пространства. Вероятнее всего, она знала, что та же особенность фиксируется и другими связанными с Ивановом авторами,

хотя разговор о них в ту пору не заходил. Об этой особенности «ивановского текста» и пойдет речь в дальнейшем.

Далеко не всем известно, что в 1865 году живущие во времена Александра II верноподданнычески настроенные ивановцы хотели назвать будущий город Александров. Этого, однако, не произошло, и в 1871 году было утверждено название Иваново-Вознесенск, вполне органично указывающее на то, что город возник в результате соединения села Иванова и Вознесенского посада. Но в те годы возникал и другой, опять-таки менее известный, но не менее органичный (по крайней мере, в административно-географическом смысле) вариант: Город село Иваново [11; 17]. Эта ярчайшая реалия ивановской жизни, теснейшее переплетение в ней городских и деревенских начал была актуализирована многими ивановскими писателями. Причем с разными акцентами: от сатирических – до относительно нейтральных, просто констатирующих эту особенность наблюдений.

Впрочем, фиксировалась она не только писателями. Еще в 1864 году академик В. П. Безобразов увидел в Иванове «удивительное сочетание и переплетение давно отжившей для образованных классов русской старины с явлениями самого крайнего мануфактурного индустриализма Европы» [2; 299].

Примечателен в этом плане и написанный в 1865 году очерк ивановского учителя А. О. Капацинского «Нечто об Иванове». В одном из писем к Нечаеву, с кем Капацинский был хорошо знаком, он просил передать этот очерк (рукопись была вложена в письмо) их общему знакомому Нефедову, к тому времени уже имевшему связи в литературных и журналистских кругах Москвы. Автору хотелось увидеть свой очерк в каком-либо из московских изданий, хотя рукопись по каким-то причинам так и осталась неопубликованной.

Особенно интересен у Капацинского в плане нашей темы диалог автора с воображаемым оппонентом-читателем: «Неужели и в русском Манчестере пролетариат? А я, несчастный, верил, что в России не может быть пролетариата, – ан нет, есть, да и какой поразительный. Такова, должно быть, судьба всех фабричных городов. Но, извините, Иваново не город, а село, возразит мне

сметливый читатель; следовательно, масса жителей суть крестьяне, а если так, то они непременно имеют и полевую, и лесную, и луговую». Принимая во внимание это возражение и в то же время опираясь на свидетельство ивановского пролетария («ни один из них не назовет себя крестьянином, а непременно набойщиком»), автор очерка утверждает: «Крестьянин в теории, а набойщик в действительности обретается в очень странном положении... он не крестьянин, потому что не знает крестьянского дела, но и не набойщик...» [12].

Можно не соглашаться с Капацинским относительно незнания ивановским пролетарием («набойщиком») крестьянского дела, но нельзя не признать его «стрданное», промежуточное положение.

Что касается писателей, то первым, кто обратил особенно пристальное внимание на эти переплетения городских и сельских начал в ивановской жизни, ее противоречивую «смешанность», был Нефедов. Именно он, пожалуй, наиболее отчетливо и акцентировал эту сторону ивановской жизни.

Так сложилось, что визитной карточкой Нефедова в литературе признаны его ранние фабричные очерки («Девичник», 1868; «Святки в селе Данилове», 1871; «Наши фабрики и заводы», 1872). Их прототипическая основа – жизнь села Иванова (Данилово – тоже переименование Иванова, его не нужно путать с окончайским Дуниловым, что порой встречается даже в специальной литературе). Другие нефедовские именования Иванова – Зобово, Золотое дно, Бубново, Чушкино. Последнее дано в связке с «бого-противным городом Левшою» (Шуей), откуда, как писал Нефедов в очерке «Первый шаг» (1871), стилизую текст под «местных летописцев», «звероподобные» и «лютоярыстные» чиновники «каждодневно к нашей родной веси притекахом и имению жителей один ущерб творяху велий, отчего и плакашася все горько» [7; 19]. Самое же известное из данных Нефедовым названий города – Чертово болото (так был назван его ранний сатирический очерк, написанный еще в 1864 году). Эти именования дополнялись придуманными Нефедовым прозвищами его сатирических персонажей, среди которых исправник Мурловский, письмоводитель Подлипалов, управляющий винным откупом Свинорылов, следователь Фома Неверный-Хамов, фабрикант Черномазов, приказчик Спиря Бесово-Полотнище, Харлампий Варсонафьевич Скотный

двор и др. Я. П. Гарелин в одном из писем сообщал: «Нефедов пишет в “Развлечении” <...> Корреспонденты же его разная здешняя молодежь» [13]. Среди наиболее активных «корреспондентов», сообщавших Нефедову ивановские новости (сам он в то время жил и работал в Москве), были местный учитель Н. М. Богомолов (впоследствии известный педагог, журналист и критик) и юный Сергей Нечаев.

Ивановский колорит по-своему дополняли и псевдонимы Нефедова. Все его ранние очерки об Иванове подписаны «Ф. Уводин» (по названию местной реки). Исключение – очерк «Фомин понедельник», который, впрочем, подписан еще более прозрачным псевдонимом – Иван Вознесенский. Эти нефедовские пробы пера имели нешуточный резонанс в Иванове. В письме к Нефедову тогда еще смотревший на него снизу вверх Нечаев сообщал:

«Очень рад, что вы одержали победу над цензурой и ваши статьи будут опять щипать ивановцев.

Ура! знай наших!

Мы с Алексеем Осиповичем (Капацинским. – *H. K.*) отхватили трепака после прочтения вашего последнего письма и весьма возрадовались.

А ивановцы! Ивановцы в каком ожесточении, так и скрипят зубами, съесть вас хотят, только покажитесь» [14; 148].

Но в контексте нашей темы особого внимания заслуживает начало трех, наиболее известных, «фабричных» очерков Нефедова: «Настоящим городом глядит село Бубново» («Девичник» [8; 103]) (здесь и далее курсив в цитатах мой. – *H. K.*); «Это что-то в высшей степени смешанное и склеенное из крайне разнородных элементов» («Святки» [8; 45]), «Целые улицы сплошь состоят из черных изб, и только местами, рядом с какой-нибудь разваленной хижиной крестьянина встречается громадная фабрика с пыхтящим паровиком» («Наши фабрики и заводы» [8; 4]). А еще раньше – в упомянутом сатирическом очерке «Чертово болото» – появится словесная формула, часть которой вынесена в название статьи: «Это ни город, ни село, а черт знает что» [9; 280].

Актуализация «смешанности» и «скленности» ивановской жизни, переплетения городского и сельского («ни город, ни село...») как раз и есть обнажение той специфики, которую, на мой взгляд, можно считать характернейшей особенностью

ивановского пространства. По-своему примечательна и перекличка Нефедова с наблюдением, сделанным А. О. Капацинским. В очерке «Святки» изображен изгоняемый со всех фабрик за «подстрекательство к бунту» молодой рабочий Безбрюхов. Играя роль «немца», в кабаке, при большом скоплении народа, он сравнивает результат крестьянской реформы с «неудобной для еды колбасой», которую неторопливо (намек на то, как долго готовилась реформа 1861 года) достает из принесенного с собой ящика, – сцена, любопытная тем, что Нефедов воспроизводит особенности народного театрального действия. Но вновь обратим внимание на красноречивую подробность: *крестьянскую* реформу оценивает *рабочий*. И здесь фиксируется промежуточность, смешанность ивановской жизни.

Через несколько лет по пути Нефедова пойдет С. Ф. Рыскин. Конечно, самое знаменитое стихотворение Рыскина – «Удалец», ставшее популярной народной песней «Живет моя отрада» (правда, в несколько иной, в сравнении с авторской, редакции). Но в контексте нашей проблематики опять-таки стоит присмотреться к другому: в 1878 году в журнале «Развлечение» Рыскин опубликует фрагмент «Ванька Каин» из поэмы с показательным названием «Кому живется вольготно, счастливо в одном *не то селе, не то городе*». Выделенные курсивом строки вновь, как и у Нефедова, фиксируют специфику ивановского пространства.

Но и это не все.

В 1918–1921 гг. в Иваново-Вознесенске жил и работал видный партийный деятель, выдающийся критик и литературовед А. К. Воронский. Являясь редактором газеты «Рабочий край», он превратил ее в одну из лучших провинциальных газет. Принято считать, что при нем газета приняла «литературный уклон». И такой «уклон» (в составе штатных сотрудников было шесть поэтов) действительно был, хотя, как замечает всегда дающий болеезвешенные оценки П. В. Куприяновский, она «в первую очередь оставалась газетой общественно-политической» [5; 53].

Однако сейчас важнее вспомнить его статью «Песни северного рабочего края» (1921). Открывается она чисто ландшафтной зарисовкой: «Среди русских северных равнин, пересекаемых лесами, стоит город, в котором много старинных церквей и часовен (тогда еще так. – Н. В.), но еще больше фабричных труб. Древний

посад – рядом гнезда фабричных корпусов вдоль небольшой и неимоверно загрязненной речонки Уводи. Есть что-то глубоко своеобразное, я сказал бы, – исключительно русское в этом сочетании осколков старины с сооружениями машинного века, часть которых оборудована не хуже первоклассных фабрик Манчестера» [3; 11].

В сущности, Воронский варьирует знакомую мысль Нефедова и Рыскина об особом пространстве Иванова – «не то села, не то города». А чуть далее он процитирует стихи ивановского поэта М. Д. Артамонова, тематика и образный ряд которых в значительной мере определяется своеобразием ивановского локуса – соединением деревенского и городского, ставшим одним из доминант ивановского пространства:

Бывало, над Угорами
Гармонь зовет, звения,
Глаза горят задорами:
Поймай-ка, мол, меня.
Венки плетут и венчики
Бросают в бочаги,
Рвут алые бубенчики
В поеме у реки.
Прошло то время вольное,
Былой разгульный взмах.
На фабрику – раздольное –
Попрятано впотьмах,
Стоят на прежнем гульбище
На Выселском холму
Три корпуса фабричные,
Стоят, гудят в дыму...
...И старые и малые
Стоят по корпусам
Ой, снежки-снеги талые,
Не бегать в поле нам...
Шумит, гремит и охает
И стонет меж полей
На горе нам построенный
Стоокий корпус-змей...

Комментируя эти строки, Воронский вернется к своей исходной мысли: «Душа рвется к поэмным лугам... а фабрика приковала прочно к себе...» [3; 14] – слова, вновь варьирующие то, что было замечено Нефедовым, а вслед за ним Рыскиным. И, рассматривая стихи ивановских поэтов, Воронский обобщит: «На сборниках в целом отпечаток рабочего севера, где рядом фабрики, тяжелый и непосильный труд и тихий простор полей» [3; 15].

Нельзя не упомянуть и еще об одном.

Ивановские краеведы в свое время очень часто вспоминали записку Ленина библиотекарю Кремля (1921): «Прошу достать (комплект) Рабочий край в Ив <аново>-Вознесенске. (Кружок настоящих пролет<арских> поэтов). Хвалит Горький: Жижин, Артамонов, Семеновский» (цит. по: [1; 6]).

За определением *настоящих* в сознании и Горького, и Ленина, в первую очередь стояло представление об отсутствии разрыва названных авторов с классической традицией поэзии, того разрыва, какой был свойствен поэтам Пролеткульта. Что же касается акцента на характеристике названных поэтов как «*пролетарских*», то, не отрицая в полной мере их контакты с пролетарской поэзией, нужно отметить и другое – связь с «*крестьянской*» линией поэтического творчества на тематическом и стилевом уровне. Более того, как отмечают авторы специальной работы о Д. Н. Семеновском (самом значительном из названных поэтов), «наиболее близким ему явлением литературного процесса предоктябрьской эпохи была так называемая “новокрестьянская” поэзия, что, впрочем, не исключало расхождений, например, с Н. Клюевым, идеализировавшим патриархальные устои деревни» [1; 14 и др.].

Примечательной в рассматриваемом литературном ряду оказывается также повесть ивановского писателя М. Д. Шошина «Фабрика за овином» [15], герои которой, кажется, уже не вполне крестьяне, но еще и не рабочие. Промежуточность их положения находит выражение и в названии повести: фабрика как принадлежность города оказывается рядом с овином (деревенское строение, используемое для сушки снопов перед молотьбой).

Заданная ивановской реальностью и актуализированная литературой особенность («ни город, ни село») в известной мере сохраняется и сегодня. Совсем недавно В. Шахматов, главный архитектор Иванова в 1984–1989 гг., вспомнил о разговоре с крупным

ивановским градоначальником (имя не названо), который в начале нулевых сказал: «Наконец-то село Иваново становится похожим на город». А далее – резюме самого архитектора: «Конечно, Иваново движется от села к городу, но очень медленно» [16; 12].

Вспомим слова хорошо знакомой песни (муз. Е. Крылатова, слова М. Пляцковского):

О любви все твержу тебе заново,
Но когда зря твердить надоест,
Так и знай – я уеду в Иваново,
А Иваново – город невест.

Под знаком этого трогательно-вдохновляющего четверостишья и прочих оптимистических предпочтений, радующих сердца ивановцев и посещающих город туристов, преимущественно и развиваются местные культурные проекты. Но не стоит ли вспомнить особенность ивановского локуса, о которой шла речь? И о вырастающей на этой почве отнюдь не радужно-беспечальной психологии, отягощенной к тому же резкими социальными контрастами. И не создать ли в Иванове памятник, в котором бы соединились фабричная труба как признак города и, предположим, сноп пшеницы как атрибут деревенской жизни. Разумеется, талантливый архитектор может найти более тонкое и выразительное решение, фиксирующее характернейшую особенность ивановского пространства.

Список использованной литературы

1. Агеев А., Куприяновский П. Поэты рабочего края // Дм. Семеновский и поэты его круга. Л.: Сов. писатель, 1989 (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 5–50.
2. Безобразов В. П. Село Иваново: общественно-физиологический очерк // Отеч. зап. 1864. № 1. С. 266–304.
3. Воронский А. Песни северного рабочего края // Тропинки памяти: воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. С. 11–18.
4. Капустин Н. В. Зеркало души. О книге Л. А. Розановой «Шуйские родники» (Шuya, 2007) // Жизнь, отданная филологии: памяти Л. А. Розановой: сб. воспоминаний и науч. ст. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 30–32.

5. Куприяновский П. Он любил Иваново: (об А. К. Воронском) // Тропинки памяти: воспоминания и статьи о писателях-ивановцах. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. С. 48–57.
6. Матенина Л. Н. Вклад Л. А. Розановой в становление и развитие литературного музея // Жизнь, отданная филологии: памяти Л. А. Розановой: сб. воспоминаний и науч. ст. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. С. 28–30.
7. Уводин Ф. (Нефедов Ф. Д.) Первый шаг // Искра. 1871. № 19.
8. Нефедов Ф. Д. Повести и рассказы: в 3 т. Т. 1. М.; Иваново: Гос. изд-во Ивановской обл., 1937. 285 с.
9. Уводин Ф. (Нефедов Ф. Д.). Чертово болото: (Фома Неверный и его деяния) // Развлечение. 1864. № 18.
10. Розанова Л. А., Таганов Л. Н. Вокруг Л. Толстого и его близких (по материалам Ивановского областного краеведческого музея, Ивановского и Владимирского государственных архивов и местной печати) // Лев Толстой и его современники. Иваново, 1962. С. 167–208 (Учен. зап. / Иван. гос. пед. ин-т; т. 29).
11. Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск: путеводитель сквозь времена. Иваново: Референт, 2022. 480 с.
12. Письмо А. О. Капацинского к С. Г. Нечаеву, 21 августа 1865 г. // ИРЛИ (Пушкинский дом). Ф. 197 (С. Г. Нечаев). Д. 13.
13. Письмо Я. П. Гарелина к К. Н. Тихонравову, 27 мая 1876 г. // ГАВО. Ф. 628 (К. Н. Тихонравов). Оп. 1. Ед. хр. 3.
14. Письма С. Г. Нечаева к Ф. Д. Нефедову // Каторга и ссылка. 1925. № 1 (14). С. 134–152.
15. Шошин М. Д. Фабрика за овином: повесть и рассказы. М.: Сов. писатель, 1977. 247 с.
16. Хрисанова О. Сходятся ли оценки архитекторов и горожан // Рабочий край. 2025. № 13.

Сетевое издание

**ЖИЗНЬ, ОТДАННАЯ ФИЛОЛОГИИ
ПАМЯТИ Л. А. РОЗАНОВОЙ**

Сборник статей, материалов, эссе

Выпуск 3

[12+]

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Технический редактор *И. С. Сибирева*

Выпускается в авторской редакции

Дата размещения на сайте 15.12.2025.
Формат 60 × 84 1/16. Уч.-изд. л. 4,0. Объем 1,10 Мб.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Ивановская обл., г. Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

